

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ XX ВЕКА

Библиографический словарь

Редакционная коллегия

главный редактор О.А. КЛИНГ,
заместитель главного редактора А.А. ХОЛИКОВ,
В.И. МАСЛОВСКИЙ, О.В. НИКАНДРОВА, Е.И. ОРЛОВА

Составитель

А.А. ХОЛИКОВ

Москва • Санкт-Петербург
2017

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ XX ВЕКА

Библиографический словарь

**Том I
А—Л**

Под общей редакцией
О.А. КЛИНГА и А.А. ХОЛИКОВА

Москва • Санкт-Петербург
2017

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Р893

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда,
проект №16-04-16501*

Р893 Русские литературоведы XX века: Биобиблиографический словарь. Т. I: А–Л / сост. А.А. Холиков; под общей редакцией О.А. Клинга и А.А. Холикова; редколл.: О.А. Клинг (гл. ред.), А.А. Холиков (зам. гл. ред.), В.И. Масловский, О.В. Никандрова, Е.И. Орлова. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. — 532 с., ил.

ISBN 978-5-4469-1068-7

Цель Словаря — представить специалисту (и не только) краткую систематизированную информацию о русских литературоведах XX века с современным аналитическим обзором их деятельности и оптимальным библиографическим приложением. Будучи наиболее репрезентативным на сегодняшний день, подготовленное издание не претендует на исчерпывающую полноту охвата имен (первый том — от «А» до «Л» — включает 378 статей), но стремится внести посильный вклад в изучение науки о литературе ушедшего столетия. Участие в подготовке данного тома Словаря приняло 254 автора из учебно-научных центров всего мира. В своей совокупности словарные статьи по-новому высвечивают теоретико- и историко-литературную картину России и русского зарубежья в XX веке. Издание снабжено установочными вступительными статьями, фотоиллюстрациями, а также именным указателем (ок. 5200 позиций).

**УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-4469-1068-7

9 785446 910687

© Коллектив авторов, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ XX ВЕКА: ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

От главного редактора

Читателям предлагается новый словарь — «Русские литературоведы XX века». В чем же его новизна?

Он первый в *таком* роде. До этого в России выходили словари русских писателей, общие и литературные энциклопедии, справочные издания в жанре «Кто есть кто...», где были статьи лишь о некоторых, самых знаменитых литературоведах либо прозаиках и поэтах, которые наряду с художественным творчеством занимались по большей части критикой, реже — наукой о слове. Теперь наступила пора сконцентрировать внимание на самих литературоведах, независимо от их принадлежности к тем или иным региональным либо столичным учреждениям¹.

Словарь «Русские литературоведы XX века» — это открытый проект, участие в котором принимали не только ученые кафедры теории литературы (одно из ведущих направлений деятельности которой — изучение истории науки о литературе), других кафедр филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, но также авторы из многих учебных и научных центров нашей страны и всего мира. В своей совокупности словарные статьи по-новому высвечивают теоретико- и историко-литературную картину России прошлого столетия.

К сожалению, в последние годы в российской науке в изучении истории литературоведения ощутил некоторый пробел. Одним из последних существенных достижений, правда, в рамках исследования эстетической мысли одной эпохи — 1920–1930-х годов, — стало второе, значительно дополненное издание книги Г.А. Белой «Дон Кихоты революции — опыт побед и поражений» (2004). Рядом стоит еще один проект, осуществленный под руководством этого же выдающегося ученого, — двухтомное издание «Опыт неосознанного поражения. Модели революционной культуры 20-х годов. Хрестоматия» (2001); «Эстетическое самосознание русской культуры. 20-е годы XX века: Антология» (2003).

Серьезному, академическому изучению истории русского литературоведения необходимо дать новый толчок. Надеемся, что им станет словарь «Русские литературоведы XX века». Через осмысление наследия отечественных ученых, особенностей их путей в науке, достижений и пристрастий, школ, направлений и концепций, которые были им близки, создана более масштабная, полная и в то же время предельно детализированная картина литературоведческих исканий ушедшего столетия. Не отдавая предпочтения тому или иному ученому-филологу, какой-либо одной или

нескольким школам, идеям в науке, авторский коллектив во главу угла поставил цель — показать во всем своем многообразии богатство такого уникального явления, как русское литературоведение XX века. Это существенно расширяет наше представление о научных, в том числе теоретических открытиях в данной области гуманитарного знания. И не только в ее победах, но и в поражениях, нередко случившихся.

Реализуемый проект имеет отношение к теории литературы еще в одном аспекте. Конечно, для современной теоретической мысли крайне важно провести ревизию терминологического аппарата, а порой просто обновить его. Но в условиях множественности подходов к тексту, отсутствия явно выраженного лидерства какой-либо одной школы или концепции, определенной стагнации, когда относительно давно не появляется убедительно, ярко выраженное новое направление в науке о слове и в ней существует некий паритет (крупные филологи обращаются к разным методам), очередное толкование значения как классических, так и новых терминов не является единственно возможным способом существования теоретической мысли. Через «персоналии» — в статьях о больших, «средних» и не очень известных ученых — произошло осмысление литературоведческих достижений, которые не укладываются в понятие «школьного» литературоведения. История науки о литературе «в лицах» на данном этапе теоретической мысли представляется нам перспективной еще и потому, что ученые — и такие, как Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, имена которых тесно связаны с формальной школой, и такие, как Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, кто стоял у истоков советского структурализма, многие-многие другие, кого традиция жестко привязывает к той или иной научной общности, — на самом деле были литературоведами синтетического толка. Они вобрали в себя различные подходы к изучению литературы. Словарь, таким образом, высвечивает историю науки «поверх барьеров».

«Русские литературоведы XX века» — масштабный труд, который отражает все многообразие такого сложного и чрезвычайно значимого явления, как отечественная наука о слове. Описываемая историческая эпоха — это время невероятных взлетов, достижений и открытий, громких побед, но и, надо признаться, весьма поучительных поражений. Русское литературоведение, сложившееся как наука относительно поздно, лишь в XX веке обрело новое дыхание. Хотя XIX столетие было тоже по-своему уникально: именно тогда вслед за европейскими начали формироваться отечественные литературоведческие школы. Русское литературоведение (как и русская литература) носило ученый характер. Однако произошло, можно сказать, непредсказуемое, а на самом деле закономерное явление (хотя его можно именовать и чудом): отечественная литература,

¹ См. например: Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009: Материалы к биографическому словарю / Под ред. В.В. Прозорова. Саратов, 2010; Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): Библиографический словарь / Науч. ред. Л.Я. Воронова. Казань, 2011; и др.

долгое время подражательная, превратилась в ни на что не похожее явление. Позже тот период назовут «золотым веком». И чтобы понять природу его художественных явлений, литературоведческая (в том числе критическая) мысль должна была, поднявшись над собой и преодолев многие препятствия (например, еще не до конца сложился понятийно-терминологический аппарат), встать вровень с самой литературой.

В тех случаях, когда речь шла о больших писателях, сделать это было нетрудно. А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь, потом Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский, многие другие мастерски, виртуозно справлялись с работой по осмыслению собственных и чужих литературных произведений. Достаточно вспомнить, как Пушкин в письмах, статьях и рецензиях, заметках, в том числе в жанре антикритики, отзывался о своих и чужих текстах. Задолго до устоявшейся периодизации русской литературы и утверждения термина «реализм» в анонимной рецензии 1830 года на альманахе «Денница» он выделил три этапа. Во главе первого поставил Н.М. Карамзина, второго — В.А. Жуковского, третьего — Пушкина — «поэта действительности»². Во всех позднейших определениях «реализма» стала обязательной и почти исчерпывающей категория «действительность». Неслучайно позднее Л.Я. Гинзбург в книге «О лирике» (1964) главу о позднем Пушкине так и назовет — «Поэзия действительности». А уже дальнейшие «дефиниции» типа «критическое изображение действительности» — на совести века XX. Тогда с легкой руки М. Горького и официальных советских ученых закрепилось понятие «критический реализм», ныне почти забытое, но от которого один шаг до реализма социалистического.

Было бы ошибочно полагать, что становление в России литературоведения как науки — это сплошной эволюционный рост от одной школы к другой (к примеру, биографической или мифологической через культурно-историческую А.Н. Пыпина в духе И. Тэна к сравнительно-исторической или психологической). В суждениях Пушкина о себе и литературе в свернутом виде (писатель был краток и емок не только в художественной прозе, но и критике) — программа (своеобразный код будущего) развития художественной словесности и науки о ней не только для XIX, XX, но и последующих столетий. В кризисные эпохи этот код нечитаем, он как бы стирается.

Так было в XX веке. В плане истории и тесно связанной с ней литературы (а также литературоведения) он на значительных временных отрезках был «железным»³, «век-волкодав» (О.Э. Мандельштам). В период, который условно можно назвать советским, написаны «горы» забытых сегодня литературоведческих работ. У литературоведения в принципе, увы, короткий век: оно умирает быстрее даже самой «плохой» литературы. Остается только вершинное (ярчайший пример из XX века — М.М. Бахтин). Факты из истории литературы переписываются на свой манер и в приспособлении для собственных целей учеными следующих поколений, а идеи, если они актуальны, живут в свободном движении — без авторства, время от времени обретая временный «ярлык» с именем того или иного литературоведа. Официальное же советское литературоведение опочило раньше своей физической смерти — раз и навсегда. С той самой силой, с какой оно подавляло существовавшие в самые темные десятилетия и пробивавшиеся как трава через асфальт (выражение Г.А. Белой) яркие творения неангажированных ученых (уже назывались имена М.М. Бахтина, Л.Я. Гинзбург, Ю.М. Лотмана, этот ряд можно продолжить). Время вытеснило из научного бытия скукожившееся до почти незримой малости «наследие» официозного литературоведения. Сегодня к нему обращаются лишь при изучении творчества советских писателей, к примеру, В.С. Гроссмана или других гонимых авторов в оценке прижизненной критики. Да и то в качестве негативного примера.

Но не следует сводить представление о советском литературоведении только к одному ее пласту — официозному. О том же В.С. Гроссмане точно и глубоко писал в 1970 году А.Г. Бочаров. Иными словами, советское литературоведение — это многоуровневое, сложное явление, с разными этажами, переходами, порой самыми неожиданными. Особое место в филологии занимали «старшие» — В.М. Жирмунский, Б.М. Эйхенбаум, другие. Рядом — Г.А. Гуковский, Д.Е. Максимов, хотя и забытые, но активно работавшие в провинции М.М. Бахтин, Б.О. Корман, Я.О. Зунделович и т.д. Наконец, в 1960-е годы в науку приходят люди, которые вскоре обрели мировую известность: Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, кое-кто еще. Нельзя не сказать о поколении ярких молодых ученых (начало их деятельности — еще советские 1970–1980-е годы), рано ушедших из жизни (А.Б. Есин, А.М. Песков, М.И. Шапир). Так что совершенно неправомерно, говоря о советском периоде литературоведения, всех мазать одной краской. Выказывались же суждения (как представляется, не совсем правомерные), что А.Д. Синавский в своих подцензурных статьях вполне укладывался в парадигму советского литературоведения.

Предлагаемый Словарь как раз вычерчивает через судьбы конкретных ученых непростые, порой окольные, тупиковые пути отечественной науки. Как это ни парадоксально, но в советскую эпоху нередко литературоведение и критика были интереснее самой литературы. Литературоведческие работы читались как бестселлеры: памятный пример — книга А.В. Белинкова «Юрий Тынянов» или «Поэтика византийской литературы» С.С. Аверинцева, Ученые записки Тартуского университета. Советское литературоведение — далеко не все, а лишь в лучших своих проявлениях — было формой бытования инакомыслия. В подтексте статей о литературе вдумчивый читатель находил разговор о наблевших проблемах современности. Так, вступительная статья М.Л. Гаспарова к «Скорбным элегиям» Овидия Назона в серии «Литературные памятники» (1978) на фоне реалий правления Л.И. Брежнева заставляла сопоставлять Рим эпохи упадка и Москву эпохи застоя. Научный комментарий к томам «Литературного наследия», набранный мелким шрифтом, нередко тоже давал тот глоток свободы, которого все ждали.

Особый статус был у жанра рецензии. То ли из-за своей периферийности (литературные генералы писали статьи), то ли по недосмотру цензуры и либеральности редакторов в них «разрешалось» чуточку больше. Журналы эпохи застоя, в том числе «Вопросы литературы», читались с конца — с раздела рецензий. Издаваемый нами Словарь должен показать все многообразие науки о слове в советскую эпоху, хочется повторить, несводимую к официозу.

Но, говоря о «железном» XX веке, не стоит забывать о других его периодах — хотя бы Серебряном. Правда, возникает необходимость как-то назвать литературную эпоху конца прошлого столетия — начиная с горбачевской гласности, перестройки. Конечно, этот период был подготовлен хрущевской оттепелью, брежневским застоём, когда ослабли некоторые идеологические «гайки», но для литературы и тесно связанного с ним литературоведения это было чрезвычайно значимое время, которое, вероятно, не повторится никогда. То был взлет беспрецедентного интереса, не будет преувеличением сказать, народа к литературе и заодно к литературоведению. Не только художественные произведения, но и труды филологов были востребованы, издавались значительными тиражами. Вполне возможно, что с хронологической дистанции (не сейчас, а позже) конец XX — начала XXI веков в России назовут *платиновым веком*. За всю историю страны не было такой ситуации, когда после отмены цензуры были открыты идеологические шлюзы, и мощно хлынули потоки задержанной, потаенной — ее еще называют «пропущенной» — литературы, там- и самиздата, наконец, новейшей литературы 1980–1990-х годов, еще не до конца оцененной по своей художественной значимости. И это касается опять же не только литературы, но и науки о ней. Начался диалог отечественного литературоведения с западным. Века здесь — выход под редакцией Г.К. Косикова книги: *Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М., 1989. Буквально за несколько лет русское литературо-

² А.С. Пушкин-критик. М., 1978. С. 220. В том же 1830 году Пушкин писал в незавершенной заметке: «Литература у нас существует, но критика еще нет» (С. 205).

³ Его следует отличать от понятия «железный век» в истории первобытного человека.

ведение ассимилировало понятийный аппарат постструктурализма и других новейших школ: «дискурс», «интертекст», «архетип», «актор» и другие термины обрели «русский» контекст. Не менее впечатляющие явления — стремительное возрождение отечественного неофрейдизма (правда, на шумевшая статья И.П. Смирнова «Кастрационный комплекс в лирике Пушкина» появилась в зарубежном издании), взлет неомифологической школы во главе с Е.М. Мелетинским, становление и, казалось, победа — но недолговечная — в русской литературе и литературоведении постмодернизма.

«Вернулись» ученые и критики Серебряного века, исследователи, репрессированные в сталинские годы, представители русского зарубежья. То была счастливая эпоха, во многом противоречивая (взять, к примеру, судьбы народов, их культур на постсоветском пространстве), но богатая для словесности и науки о ней. Пишущий и читающий существовали почти в идиллической связке: публикация в журнале с миллионным тиражом — и наутро автор становится знаменитым. Идиллия, как правило, обречена на печальный исход, но это — конец литературоцентричности в России — произошло потом. Тогда же литература и литературоведение совершили невиданный доселе скачок в своем развитии.

Предшествующее этому скачку так называемое советское литературоведение — это сложная конструкция. Первый уровень и господствующий — официоз, то литературоведение, которое должно было проводить идеологические взгляды партии на культуру. Этот официоз занимал лидирующее положение в целом ряде структур — как академических, так и учебных. Следующий уровень — самовоспроизводящееся массовое советское литературоведение, которое тиражировало идеи социалистических псевдотитанов науки о слове. Еще один уровень — своего рода мансарда — состоит из ученых, которые, занимая скромные (а порой и высокие) должности в научных институтах, вузах, остались верны кодексу исследовательской этики. Другой уровень — ближе к пристройке к большому дому — литературоведы, существовавшие вне официальных структур. На жизнь зарабатывали внутренними рецензиями, редактурой, критикой и т. п., но именно они двигали науку о слове вперед. Ближе к подвалу или в подвале — диссидентское литерату-

роведение, печатавшееся в сам- и тамиздате. Но на каждом этаже этой многоуровневой конструкции — множество сломанных судеб, нереализованных идей.

И вдруг после перестройки все перемешалось. Первый уровень и господствующий — официоз, то литературоведение, которое занимало лидирующее положение, переместилось в подвал — почти небытие. А то, что было незаслуженно, но в силу обстоятельств маргинальным, стало первым уровнем. Так, по аналогии с поэзией можно говорить о литературоведении дворников и истопников (и это была жизненная позиция): один из ярких примеров — выпускник факультета журналистики МГУ, соавтор известного теоретика литературы В.Е. Хализева, В.Н. Шикин (1947–2000), закончивший свою короткую жизнь иеромонахом.

В литературоведении поменялось не только соотношение «мэтров» и «аутсайдеров», но и соотношение центра и так называемой периферии. На базе вузов тех провинциальных городов, куда были сосланы в советскую эпоху филологи (М.М. Бахтин, Б.О. Корман), выросли авторитетные научные школы.

В целом литературоведческая карта конца XX — начала XXI веков существенно изменилась. Это особое время: литературоведческая мысль уже пережила существенное обновление, наступила пора спокойного ее течения. Думается, что мы находимся на пороге нового статуса науки о слове (и самой литературы) в условиях, когда сосуществуют, и довольно мирно, самые разные методологии. При этом у каждого из современных научных сообществ свой круг авторов и свой круг читателей. Может быть, мы возвращаемся, но на новом витке, к синтетическому⁴ литературоведению, когда в диалоге разных школ и направлений произойдет познание неисчерпаемой сущности текста? Почву для ответа на этот и многие другие научные вопросы дает словарь «Русские литературоведы XX века».

О.А. Клиш

⁴ Выше отмечалось, что таковым по своей природе оно было у больших ученых XX века. Первая же попытка приближения к синтетическому литературоведению принадлежит русским символистам (В.Я. Брюсов, Вяч.И. Иванов, особенно ярко это проявилось у А. Белого).

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ¹

От заместителя главного редактора

Научный интерес к жанру *биографии литературоведа* в нашей стране чрезвычайно низок по сравнению с жизнеописаниями негуманитариев. Такова тенденция. Еще в советское время (для примера возьмем период с 1961 до 1974 года) в серии «Научно-биографическая литература» Академии наук СССР «жизни и деятельности ученых-энциклопедистов посвящено 7 книг, математиков — 15, физиков — 18, астрономов — 8, химиков — 30, биологов — 47, геологов — 10, географов — 16, медиков — 2, техников — 45»². В большинстве случаев — завидные для филологов цифры.

Между тем формы воплощения биографий ученых весьма разнообразны (от словарных статей до монографий). От уровня разработки конкретных принципов и методов исследования личности и деятельности ученого зависит успех любой из них. Но поскольку количество биографий литературоведов невелико, то и методология их создания не разрабатывается на должном уровне. Хочется верить, что важным шагом на пути к решению этой проблемы на научной основе станет словарь «Русские литературоведы XX века».

Необходимость такого издания обусловлена и другими причинами. Прежде всего — потребностью в современной, освобожденной от идеологического налета оценке индивидуального вклада исследователей в развитие литературоведения прошлого столетия. *Узконаправленный* подход (по школам и их лидерам) оставляет в несправедливом забвении труды многих ученых и не позволяет представить картину научной жизни в относительной полноте и очевидной сложности. На протяжении всего XX века активно работали исследователи, находившиеся в стороне от ведущих направлений. Их наследие составило богатый, мощный пласт отечественной науки. Те из них, кто не эмигрировал, начиная с середины 1920-х годов и на протяжении более полувека не имел возможности прямо выражать свои теоретико-методологические позиции³. При этом именно *внеакадемическое литературоведение*⁴ (основанное на близости мировоззренческих и гносеологических предпосылок) оказалось в большей степени свободным от крайностей редукционизма (как стадийно обусловленного, так и стимулирующегося групповыми пристрастиями и интересами, то есть идеологизированного). Представить его в максимальном объеме, через осмысление наследия отдельно взятых ученых, особенностей их путей в науке, пристрастий, позволит формат предлагаемого Словаря.

Во-вторых, систематическое изучение накопленного в XX веке знания поможет глубже понять и уточнить содержание и предмет литературоведения как развивающейся научной дисциплины, смысл ее категорий, или «ключе-

вых слов» (по определению А.В. Михайлова), место среди родственных наук и в культуре в целом⁵. Осмысление и переоценка литературоведческого наследия необходимы для преодоления сложившегося в отечественных условиях теоретического и методологического кризиса, связанного, как известно, с отсутствием новых идей⁶ («...в предшествующие годы произошла определенная девальвация „концептуального“ литературоведения»⁷).

Наконец, создание Словаря имеет науковедческую значимость, поскольку «биографии ученых представляют собой ту самую „коллекцию уникальных случаев“, изучив которые можно... составить адекватное представление о научном мышлении, его генезисе и динамике в естественных условиях реальной жизни человека»⁸.

Между тем история науки «в лицах» не отменяет другой масштабной задачи, выходящей за рамки предлагаемого издания, — дать профессиональную, освобожденную от каких бы то ни было научных мод оценку основополагающим *закономерностям* развития литературоведения XX столетия.

Для труда, посвященного исследователям ушедшего века, слово «литературовед» подходит как нельзя лучше, поскольку именно в прошлом столетии оно упрочилось в русской речевой практике. При этом работа составителя словника осложнялась препятствием, о котором в беседе с Т.А. Касаткиной рассуждает И.Б. Роднянская: «...чуть ли не всякий, кто занимается тем, что это слово должно покрывать, боится его, как чумной заразы, и в разных справках о себе старается писать что угодно: филолог, историк литературы, культуролог (хотя „культуролог“ — тоже слово неважное). Но только не „литературовед“». За этим, видимо, стоит некое не до конца вербализованное ощущение, что это искусственное слово или безмерно широко, или вообще ничего не означает. Или — слишком много, или — ничего»⁹. Кто же, в таком случае, включен в настоящий Словарь?

⁵ Много в этом направлении уже сделано. См.: Русская наука о литературе в конце XIX — начале XX в. / Отв. ред. П.А. Николаев. М., 1982; Литературоведение на пороге XXI века / Отв. ред. П.А. Николаев. М., 1998; Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс) / Отв. ред. и сост. А.А. Ревякина. М., 2001; Русские литературоведы XX века: (Проспект словаря) / [Под общ. ред.] О.А. Клинка, А.А. Холикова. М., 2010; *Сезал Д.М.* Пути и вехи: (Русское литературоведение в двадцатом веке). М., 2011; Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции / Под общ. ред. О.А. Клинка и А.А. Холикова. М.; СПб., 2012. Из учебных пособий: *Барит К.А.* Русское литературоведение XX века: В 2 ч. СПб., 1997; *Кузьмичев И.К.* Литературоведение XX века. Кризис методологии. Н. Новгород, 1999.

⁶ См. об этом блок материалов: Филология: кризис идей? // Знамя. 2005. № 1.

⁷ *Клинг О.А.* Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов: проблемы поэтики. М., 2010. С. 33.

⁸ *Мошкова Г.Ю.* Научное исследование в контексте жизненного пути ученого // Философия науки. Вып. 9: Эволюция творческого мышления. М., 2003. С. 253.

⁹ *Роднянская И.Б.* Движение литературы: В 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 7.

¹ При написании статьи был учтен опыт работы: *Буртин Ю.Г.* Методические указания для авторов и редакторов словаря [«Русские писатели. 1800–1917»] // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 97–112.

² *Соколовская З.К.* Научно-биографическая серия Академии наук СССР // Человек науки. М., 1974. С. 385.

³ См.: *Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В.* Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы): Учебное пособие. М.; СПб., 2015. С. 149–159.

⁴ Термин В.Е. Хализева.

Во-первых, — ученые-филологи, научная деятельность которых была сосредоточена на изучении художественной литературы и всем, что с ней связано¹⁰. Это самая большая группа исследователей, в которую входят историки и теоретики литературы, некоторые фольклористы и лингвисты, а также ряд крупных библиографов и книговедов. Во-вторых, — литераторы, размышлявшие о природе художественного творчества и анализировавшие произведения не только современных для них авторов¹¹. Это писатели (А.А. Ахматова, Т.А. Бек, А. Белый, В.А. Каверин и др.), критики, обращавшиеся не только к текущему литературному процессу (А.Л. Вольтинский, А.К. Воронский, А. Лежнев и др.), некоторые мыслители, внесшие в развитие литературоведения немалый вклад (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Г.В. Плеханов, В.В. Розанов и др.). Следует также оговорить отсутствие географических барьеров для включения в Словарь эмигрантов (Г.В. Адамовича, Ю.И. Айхенвальда, Н.М. Бахтина и т.д.).

Исходным условием при отборе имен стало наличие у литературоведа (в самом широком смысле этого слова) опубликованных исследований, написанных на русском языке, научно значимых, оригинальных или типичных для своего времени.

Нуждается в комментарии вопрос о временных границах Словаря. В целом они соответствуют календарному веку, но поскольку, по точному замечанию С.А. Венгерова, «хронология формальная и хронология действительно цельных исторических и литературных полос редко совпадают»¹², то их необходимо было расширить. В словник включены преимущественно те, чья литературоведческая деятельность прочно ассоциируется с XX веком, хотя могла начаться в последней четверти XIX столетия, и завершилась до 2010 года (за редкими исключениями). Таким образом, последовательно соблюден «этический императив» предлагаемого издания — «о здравствующих — ни слова!»

Изначально объем словника насчитывал 1023 имени¹³. В ходе обсуждений он был скорректирован. В результате только первый том (от «А» до «Л») включает 378 статей. Персоналии, не попавшие в него по причинам, не всегда связанным с масштабом личности литературоведа и значимостью его вклада в науку (многолетняя подготовка Словаря наталкивалась на ряд объективных трудностей), обязательно войдут в третий (дополнительный) том.

Не менее важной, чем состав словника, является *проблема структуры и содержания словарной статьи*. Строго говоря, ее решение сводится к размышлениям над жанром биографии ученого, ибо костяк Словаря составляют профессиональные филологи.

¹⁰ «Литературоведению, — пишет В.Е. Хализев, — “подведомственны” не только словесно-художественные произведения как таковые, но и многое другое: 1) процессы творческой деятельности писателей и их биографии; 2) сфера восприятия литературы читателями; 3) разного рода литературные “общности” — жанры или национальные литературы, литературные эпохи; всемирная литература как таковая или эволюция художественных форм и творческих принципов и т.п.» (Хализев В.Е. О составе литературоведения и специфике его методологии // Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс): Сб. ст. М., 2001. С. 8–9).

¹¹ В данном случае мы исходим из сложившейся традиции относить текущий литературный процесс к предмету литературной критики. См., например, учебную (книги С.И. Кормилова и Е.Б. Скороспеловой, А.П. Казаркина, М.М. Голубкова) или научную литературу: Корниенко Н.В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М., 2010; История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011. Несмотря на уязвимость, такая позиция позволила более четко сформировать словник (при заявленной широте охвата имен).

¹² Русская литература XX века (1890–1910): В 2 кн. М., 2000. Кн. 1. С. 19.

¹³ Холиков А.А. Словник // Русские литературоведы XX века: (Прспект словаря). М., 2010. 22–45. При участии В.И. Масловского.

Еще С.С. Аверинцев блестяще продемонстрировал, что со времен Плутарха биография является «слабо конституированным» жанром и попытка отыскать его непреложные законы и четкие границы «обречена на неудачу»¹⁴. Некоторое время назад, разбирая одно из жизнеописаний Д.С. Мережковского, автор этой статьи вышел из объективно трудного положения с помощью игры слов в названии публикации: «Писательская биография: жанр без правил»¹⁵. Теперь, когда речь идет о биографии ученого, ситуация, кажется, иная. Но это лишь на первый взгляд, поскольку даже поверхностным сравнением подтверждается близость двух форм: жизнеописаний литератора и литературоведа, личностная (а не только интеллектуальная) активность которого по отношению к предмету своего изучения самоочевидна. «Настоящему, призванному филологу, — пишет С.Г. Бочаров, — надлежит быть тоже писателем, литературоведение — это тоже литература»¹⁶. Другими словами, «филологическое дело — занятие личное, как писательство»¹⁷. Это еще одна причина того, почему включение в словник литераторов не выглядит нарушением «канона». Однако сходство этим не ограничивается.

Истоки жанра биографии ученого, так же как и писателя, восходят к Античности. «По существу, — пишет В.Я. Френкель, — диалоги Платона являются не чем иным, как научной биографией Сократа; „Воспоминания о Сократе“ написал его ученик Ксенофонт. Демокриту принадлежит не дошедшая до нас, но многократно упоминаемая в древних источниках биография Пифагора»¹⁸. Конечно, с научностью диалогов Платона можно поспорить. Но интерес к биографии ученого (а применительно к Античности точнее сказать — философа) имеет древнее происхождение. Кроме того, первые отечественные биографические словари, во многом способствовавшие появлению научных жизнеописаний, были посвящены как писателям, так и ученым. Об этом красноречиво свидетельствует не только содержание, но и заглавие некоторых из них: «Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях...» (Г.Н. Геннади), «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)» (С.А. Венгеров), «Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века. С портретами» (И.Ф. Павловский), «Саратовцы — писатели и ученые: (Материалы для библиографического словаря)» (С.Д. Соколов). «Хотя, — полагает Б.С. Мейлах (к суждениям которого на эту тему имеет смысл прислушаться), — типы биографий ученых и писателей имеют каждый свою специфику, зависящую от особенностей научной и литературно-художественной деятельности, все же существуют общие методологические проблемы биографического жанра. Опыт биографий писателей должен быть учтен и при обсуждении путей воссоздания жизни и творчества ученого...»¹⁹ Речь здесь идет о нескольких скрепах, объединяющих два жанра.

Авторы биографий ученого и писателя имеют дело с одиозными источниками (эпистолярный, дневники, автобиографии, документы эпохи), которые требуют поиска, отбора, то есть профессиональной критики и проверки на прочность, обработки. Сталкиваясь с нехваткой достоверных материалов, при реконструкции «белых пятен», любой биограф вынужден обращаться за помощью к интуиции, выбирая между научным домислом и художественным вымыслом. «В биографической реконструкции, — пишет

¹⁴ Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография // Аверинцев С.С. Образ античности. СПб., 2004. С. 240–241.

¹⁵ Холиков А.А. Писательская биография: жанр без правил // Вопросы литературы. 2008. №6. См. также: Он же. Плод занимательной науки. Из размышлений над жанром биографии литературоведа // Вопросы литературы. 2011. №1; Он же. Жанровый потенциал биографии литературоведа // Новый филологический вестник. 2016. №4 (39).

¹⁶ Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 610.

¹⁷ Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 629.

¹⁸ Френкель В.Я. О жанре биографии ученых // Человек науки. М., 1974. С. 109.

¹⁹ Мейлах Б.С. Биография как методологическая проблема // Человек науки. М., 1974. С. 8.

М.Г. Ярошевский, — в особенности касающейся психологического мира героя, зачастую закрытого не только для других, но и для него самого, биограф вынужден вращаться в сфере домысла, который, однако, не следует отождествлять с художественным вымыслом»²⁰. «В домысле — логичном, разумном, психологически обоснованном, — продолжает эту же мысль Е.М. Кляус, — нет ничего одиозного. Ведь существует же в арсенале ученых научный домысел! Почему не должно быть домысла в работе историка науки?! Конечно, домысел не вопреки достоверным фактам, а только там, где их недостает, где нет иного пути к установлению истины; домысел, способствующий воссозданию психологически достоверного облика ученого и неких предполагаемых ситуаций»²¹.

Рассуждая о биографии писателя, Г.О. Винокур утверждал, что «словесная экспрессия служит поводом для возникновения биографических интересов, поскольку она является симптомом или признаком личных авторских переживаний и поведения»²². Несмотря на широко декларируемую унифицированность языка науки, высказанная мысль может быть применима и к биографиям выдающихся ученых, труды которых «безусловно, носят отпечаток стилевой индивидуальности»²³. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить научный стиль работ С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, Н.Я. Берковского и многих других. Приведу только один пример. Статьи А.П. Скафтымова, стоявшего у истоков отечественной традиции литературоведческого анализа²⁴, отличается очень яркий и живой язык. В работе о тематической композиции романа Ф.М. Достоевского «Идиот» читаем: «Любовь, как последнее счастье и радость жизни, это начальная и конечная точка духовного света Мышкина. Жизнь радостна любовью. Радоваться жизни — это значит любить жизнь. Все живет для счастья и радости, потому что все любовью живет и для любви живет. Любовь — последняя полнота блаженства жизни»²⁵.

Чтобы полнее представить духовное содержание личности ученого, необходимо, помимо лингвистического исследования его трудов, несущих в себе отпечаток стилевой индивидуальности, обратиться к изучению его эстетических (не только научных) пристрастий. Как правило, этому вопросу не уделяется должного внимания. Удачным примером может служить биографическая статья В.Е. Хализева о том же Скафтымове, которому, несмотря на горестные события (арест жены, смерть от туберкулеза единственного сына) «было присуще жизнелюбие поистине неистощимое. Из письма 1960 г.: „Играю (на рояле. — В.Х.), читаю, пишу [все-таки], жизнь вижу и чувствую, в мыслях уношусь, — чего же более? Из другого письма (1959): „Музыканью и от музыки оторваться не могу... Без таких „психозов“, наверное, и жить было бы не так интересно“. Говорится и о месяцах отдыха, проводимых среди южной природы: „Ничего нет лучше моря“»²⁶.

Еще одно связующее звено двух жанров — мифы, которыми обрастают как писатели, так и ученые. И хотя рассуждения об их природе можно посвятить самостоятельное исследование, в истоках мифологизации отдельных ученых и научных сообществ по законам интеллектуальной моды, которая бытует в последние десятилетия и за пределами России, важно неторопливо разбираться²⁷. При этом

мифы не следует смешивать с легендами, стоящими в одном ряду с историческими анекдотами и имеющими безусловную биографическую ценность.

С общими трудностями биографы писателей и ученых сталкиваются не только в упомянутых случаях, но также при интерпретации самых разных фактов и включении творческого наследия «героя» в канву жизнеописания. «К тому же, — писал один из исследователей в 1970-е годы, — если исходить из современного понимания творчества как системы (в соответствии с общей теорией систем), то научное и художественное творчество можно рассматривать как подсистемы, объединяемые универсальными законами творческого мышления (что, конечно, не должно вести к игнорированию своеобразия каждой из подсистем)»²⁸.

Как видно, деятельность литературоведа может быть не менее индивидуализирована, чем художественное творчество. Типические черты выступают в ней не столь отчетливо, как в трудах представителей точных наук. Например, мы не сомневаемся в возможности дублирования результатов работы двух незнакомых друг с другом математиков, но с трудом представляем два абсолютно идентичных разбора стихотворения (если это не эпигонство или плагиат).

Словарь «Русские литературоведы XX века» не ограничивается справочной функцией и предоставляет читателю не только «сухую» фактологию с кратким пересказом первостепенных научных трудов. В этой связи нелишне напомнить замечание Д.С. Лихачева: «Бессилие литературоведения ярко сказывается в „анализе“ литературного произведения путем пересказа — более или менее подробного». И далее: «Пересказ всегда искажение, упрощение и „оскущение“»²⁹. Эту мысль можно распространить на научное творчество. Следовательно, встает *вопрос о теоретико-методологических принципах написания словарной статьи*. Не претендуя на выявление жанрового инварианта, прокомментируем некоторые особенности жизнеописаний литературоведов с точки зрения *структуры повествования, задач, реализуемых в тексте*, а также *источников жизнеописания*.

Начнем со структуры. В свое время Л.Я. Гинзбург убедительно показала, что документальная литература не пересаживает готовый характер, а, как всякая литература, она его строит³⁰. Биограф, с одной стороны, имеет объективный материал, а с другой — волен распорядиться им по собственному усмотрению. Биография литературоведа складывается из ряда обязательных элементов, к которым относятся: характеристика основных этапов жизненного пути и исследовательской деятельности, повествование об эпохе и ближайшем окружении как факторах влияния на творческую личность. Это ядро. В тесных рамках словарной статьи может быть реализована трехчастная композиция, которая предполагает: 1) наличие кратких биографических сведений (даты и места рождения/смерти, происхождение, образование, начало, основные этапы и конец служебной деятельности, прижизненные первые публикации литературоведческих трудов и некоторые другие), выстроенных в прямой хронологической последовательности; 2) аналитический обзор литературоведческой деятельности, подтверждающий ее индивидуальность и/или типичность, с выделением основных терминов и понятий (что позволит благодаря составлению указателя терминов и понятий в 3-м томе проследить историю их функционирования и реального применения в XX веке, не написанную до сих пор, но крайне необходимую); 3) библиографию трудов литературоведа и — о нем, приобретающую особую ценность в статьях о «забытых» именах.

Структура повествования обнажает задачи, стоящие перед биографом и помогающие ему достигнуть глав-

ское литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы): Учебное пособие. М.; СПб., 2015. С. 156–159.

²⁸ Мейлах Б.С. Биография как методологическая проблема // Человек науки. М., 1974. С. 9.

²⁹ Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: (Из записных книжек разных лет). Л., 1989. С. 175–176.

³⁰ Гинзбург Л. О психологической прозе. Л., 1977. С. 191.

²⁰ Ярошевский М.Г. Биография ученого как науковедческая проблема // Человек науки. М., 1974. С. 24.

²¹ Кляус Е.М. Психологическая деталь в научной биографии // Человек науки. М., 1974. С. 208–209.

²² Винокур Г.О. Биография и культура // Винокур Г.О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С. 13.

²³ Курсанов В.С. О критериях подхода к биографии творческой личности // Человек науки. М., 1974. С. 93.

²⁴ См.: Топка В.И. Анализ художественного текста в отечественном литературоведении XX века // Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции. М.; СПб., 2012. С. 50–56.

²⁵ Скафтымов А.П. Тематическая композиция романа «Идиот» // Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. М., 2007. С. 171.

²⁶ Хализев В.Е. Скафтымов Александр Павлович // Русские литературоведы XX века: (Перспектив словаря). М., 2010. С. 57.

²⁷ Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В. Русское академиче-

ной цели — понять и объяснить «героя» жизнеописания. По мнению одного из исследователей, «деятельность и индивидуальность ученого могут быть адекватно объяснены лишь в системе трех „координат“: предметно-логической, социально-исторической, лично-психологической»³¹.

Для биографа, пишет М.Г. Ярошевский, «нет более высокой цели, чем объяснить, каким образом логика развития науки определяет поведение конкретной личности, в какой форме она, эта логика, будучи независимой от сознания и воли отдельных лиц, покоряет их сознание и волю, становится их жизненным импульсом и отправлением»³². Об этом же писал М.М. Бахтин: «Работая над любой книгой, важно усвоить не только содержащиеся в ней факты и готовые положения науки, но и методы, с помощью которых они найдены, установлены, доказаны. Надо овладеть самой логикой науки»³³.

Несмотря на то, что в центре биографии должен находиться только главный «герой», невозможно создать полноценное жизнеописание литературоведа, даже в форме словарной статьи, вне контекста судеб научного или литературного сообщества. Внимание здесь необходимо уделять влиянию общеисторических и социальных факторов на личность литературоведа и его ближайшее окружение. В идеале такое жизнеописание, хотя и в сжатом виде, «может служить источником ценной науковедческой информации»³⁴, относящейся к развитию науки о литературе. Не будет преувеличением сказать, что жизнеописание таких исследователей, как А.П. Скафтымов, В.Б. Шкловский, Ю.Г. Оксман, М.М. Бахтин, Л.Я. Гинзбург, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, М.Л. Гаспаров — это в свернутом виде история отечественного литературоведения XX века.

Освещение деятельности литературоведа в связи с социально-историческими обстоятельствами и движением науки не отменяет проблему изучения его индивидуального своеобразия. Вот почему одной из главных задач остается характеристика «творческой лаборатории» исследователя. Ее решение эквивалентно созданию сюжета художественного произведения и выходит за рамки предлагаемого издания. В идеале биографу необходимо охарактеризовать не только социальные механизмы, но хотя бы частично отразить внутренний мир ученого (его мировоззренческие установки), проникнуть в индивидуальную психологию научной деятельности, изучить мотивацию тех или иных личных поступков.

Так, известно, что релятивизм Шкловского порой переходил в литературно-идеологическое приспособленчество (хотя не исключено, что причиной мог быть элементарный страх) в 1930–1940-е годы: «Его мышление как бы распалось на две несоединимые (у него) сферы — одну „формальную“, другую — нет»³⁵. И эта раздвоенность, по словам А.П. Чудакова, стала привычкой. Компромиссы в целях самосохранения могли заходить достаточно далеко: в 1944 году Шкловский отрекся от М.М. Зощенко, а в 1958-м присоединился к травле Б.Л. Пастернака. Примечательна позиция К. Депретто на этот счет: «Мы, разумеется, не собираемся ни утверждать, что Шкловский вообще никогда не шел на компромиссы, ни оправдывать его самые шокирующие высказывания (например, те, какие были сделаны по поводу „дела Пастернака“). Но с сугубо моралистических позиций невозможно оценить роль, которую на самом деле сыграл Шкловский в русской интеллектуальной жизни»³⁶. Интересно, а роль В.В. Ермилова, Р.М. Самарина, Я.Е. Эльсберга и ряда других исследователей, исполнявших «черные обязанности» (слова В.Я. Кирпотина о дея-

ниях А.А. Фадеева в период борьбы с космополитизмом³⁷), но не лишенных профессионального дарования и участвовавших в интеллектуальной жизни, тоже невозможно оценить?! Вот вопрос, который нуждается в самом серьезном обсуждении историками науки и биографами, — вопрос о моральном облике литературоведов и правомерности давать ему оценку. В зависимости от полученного ответа мы будем иметь (разумеется, в крайних пределах) либо мифологизированную биографию, канонизированное жизнеописание ученого, либо антибиографию, биографию-памфлет.

К какому бы из двух жанровых полюсов ни тяготел биограф, ему не обойтись без привлечения переписки, дневников и мемуаров литературоведов. Вот почему последнее, на чем следует кратко остановиться, — проблема источников, приобретающая значимость для разграничения достоверного и невероятного в биографии ученого. В контексте истории литературоведения всего XX века вопрос о составлении библиографического перечня эгодокументов (не только писем, но и дневниковых записей, а главное — мемуаров) стоит особенно остро и заслуживает самостоятельного обсуждения. В большинстве случаев ушедшие из жизни исследователи (будь то преподаватели или кабинетные ученые) непредставимы для потомков как личности. Их мировоззренческие установки, человеческие поступки и качества быстро стираются из коллективной памяти. Вот почему самостоятельное место в приставленной библиографии занимает раздел «Письма, дневники, мемуары».

Таковы самые общие проблемы, которые возникают при определении жанрового потенциала биографии литературоведа. Репродуцируя заданную структуру (как в статейном формате словаря «Русские литературоведы XX века»³⁸), либо порождая новые вариации (как в монографических жизнеописаниях), биография деятеля науки о литературе являет собой непосредственную форму гуманитарного самосознания. В этом, прежде всего, — ее историко-научная ценность и теоретико-методологическая значимость.

Выходу настоящего тома предшествовала публикация проспекта Словаря³⁹, который содержал редакторскую статью, обоснование актуальности и основных принципов издания, словник, примеры словарных статей, а также — памятку авторам. По результатам его обсуждения в рамках Международной научной конференции «Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции», прошедшей 26–27 ноября 2010 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова⁴⁰, изначальные установки подверглись небольшим изменениям с учетом высказанных замечаний. Осмелимся предположить, что следование им позволило приблизиться к главной цели — представить специалисту (и не только) краткую систематизированную информацию о русских литературоведах XX века с современным аналитическим обзором их деятельности и оптимальным библиографическим приложением. Подготовленное издание не претендует на исчерпывающую полноту охвата имен, но стремится внести посильный вклад в изучение науки о литературе ушедшего столетия.

А.А. Холиков

³¹ Ярошевский М.Г. Биография ученого как науковедческая проблема // Человек науки. М., 1974. С. 29.

³² Там же. С. 33.

³³ Бахтин М.М. Некоторые замечания // М.М. Бахтин: Эстетическое наследие и современность. Ч. 1. Саранск, 1992. С. 18.

³⁴ Быков Г.В. Свет и тени в научной биографии // Человек науки. М., 1974. С. 68.

³⁵ Чудаков А.П. Слово — вещь — мир. От Пушкина до Толстого. Очерки поэтики русских классиков. М., 1992. С. 212.

³⁶ Депретто К. Формализм в России: предшественники, история, контекст. М., 2015. С. 255.

³⁷ Кирпотин В.Я. Ровесник железного века. М., 2006. С. 641.

³⁸ Холиков А.А. Теоретические принципы разработки словаря русских литературоведов XX века // Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции. М., СПб., 2012. С. 310–318.

³⁹ Русские литературоведы XX века: (Проспект словаря). М., 2010.

⁴⁰ См.: Холиков А.А. Конференция «Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции» // Московский университет. 2010. № 37 (4348); Он же. На пути к словарю // Знамя. 2011. № 4; Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции. М.; СПб., 2012 [Рец.: Голенко Ж. — // Знамя. 2013. № 8; [Роспись содержания] // Новое литературное обозрение. 2013. № 122; Скляров О.Н. Итоги и предвосхищения // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2013. Вып. 2 (32); Смирнова А.И. Подводя итоги века // Русистика и компаративистика: Сб. науч. ст. Вып. 8. Vilnius, 2013; Петрова Т.Г., Ревакина А.А. — // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение: РЖ. М., 2014. № 1]; Клинг О.А., Холиков А.А. Страницы из словаря // Литературная учеба. 2014. № 1.

ОТ РЕДАКЦИИ

Каждая словарная статья начинается с **фамилии** литературоведа (в некоторых случаях — с псевдонима, если он стал основным именем автора). Варианты фамилии, имени, отчества, а также **псевдонимы** (за исключением оговоренного) указываются в круглых скобках.

Даты (число, месяц, год), а также **места рождения и смерти** (согласно действовавшему на тот момент административному делению) приводятся в квадратных скобках. До 1 февраля 1918 года все даты даются по старому и новому стилям (перевод со старого стиля на новый совершается прибавлением к дате старого стиля 12 дней для XIX века и 13 дней для XX века). Если дата неизвестна, вместо цифры проставляется знак вопроса. Если дата сомнительна, знак вопроса проставляется рядом с ней в скобках.

Дефиниция при имени, выделенная в отдельный абзац, включает основные сферы деятельности (внелитературоведческая работа отмечается только в случае ее особой значимости), научный профиль, членство в академиях, СП СССР/России, ученую степень. Ученые звания, должности, а также даты вступления в организации или получения степеней в дефиниции не приводятся. Если исследователь занимался многими сферами науки о литературе, мы предпочли указывать в дефиниции — «литературовед», а не «историк литературы», «теоретик литературы», «стихoved» и т. д. Количество таких случаев невелико.

В **основном тексте** («теле») статьи сообщается информация об образовании и перечисляются основные места работы с указанием годов и названий учреждений на момент поступления (начала работы), там, где это возможно, — аббревиатурой (см. расшифровку в финальном списке сокращений). Если аббревиатура учебного/научного заведения на слуху (ИРЛИ, МГУ, ЛГУ, МПИ и некоторые другие), то для советского периода, когда названия неоднократно менялись, обычно указывается краткое и устоявшееся в сознании читателей наименование.

Значительную часть словарной статьи занимает аналитический обзор литературоведческих трудов. Если статья посвящена литератору (критику или писателю), то основной акцент делается на собственно литературоведческих (а не публицистических, философских или художественных) трудах. Прямые оценочные суждения, как правило, исключаются (если это не оформляется как «чужое» слово), но допускается констатация объективных фактов («обнаружил», «впервые указал на...» и т. п.). Учитывая объем издания, в некоторых случаях приходилось ограничиваться помещением весьма сжатой справки о литературоведе, без развернутой характеристики его вклада в науку.

Фамилия исследователя, которому посвящена статья, в основном тексте дается начальной буквой. Деревни, села, области, губернии и т. п. сопровождаются указанием статуса населенного пункта. Сокращение «г.» (город) ставится, если речь идет лишь о небольших (малоизвестных) районных и уездных городах (как правило, встречаются только в дефинициях).

В целях экономии места описание выходных данных публикаций, упоминаемых в основном тексте, упрощено (полное дается в приставительной библиографии). Отсылки как на статьи, так и на книги оформляются следующим образом: «Творчество Д. Фурманова» (1968) либо «[цитата]»

(«Творчество Д. Фурманова», 1968). Год издания или публикации обязательно указывается только при первом упоминании. В случае, если цитируется работа, не входящая в библиографию, ссылка на нее помещается полностью.

Поскольку в основном тексте даются именно первые публикации с кратким библиографическим описанием, а сами цитаты в большинстве своем приводятся авторами Словаря по современным переизданиям или собраниям сочинений, страницы при цитатах не указываются (писать каждый раз «цит. по:...» не представляется возможным в тесных рамках словарной статьи), за исключением наиболее важных и труднонаходимых фрагментов. В иных случаях отыскание цитаты по указанным источникам не представит трудностей для специалистов.

В целях экономии места редакция использует ряд принятых в энциклопедических изданиях сокращений, которые допускаются только для слов из прилагаемых списков. В то же время сокращения слов в приводимых цитатах и названиях книг не разрешаются (исключения составляют названия периодических изданий и любые подзаголовки).

Значимые, с точки зрения авторов статей и редакции Словаря, литературоведческие **термины и понятия** (если они не входят в цитаты и описывают предмет штудий литературоведа) при первом упоминании выделяются курсивом и полужирным шрифтом. При этом выделенные термины и понятия не сокращаются.

Все статьи сопровождаются **библиографическим перечнем** важнейшей литературы, который имеет несколько разделов. Перед списком авторских литературоведческих книг стоит заголовок «**Издания**». Названия не нумеруются и следуют подряд в хронологической последовательности. Книги на иностранных языках помещаются в самом конце раздела по тому же принципу. Здесь перечисляются *все* монографии автора (с указанием соавторов), имеющие отношение к науке о литературе: полное название, место издания, год (при необходимости, если известно переиздание, то включается оно, с указанием его номера; год первоиздания ставится в тексте статьи). Рецензии на книги не даются. После подзаголовка «*Редактирование, составление и подготовка к печати*» (выделяется курсивом без абзацного отступа) приводятся отредактированные, составленные или подготовленные литературоведом к печати публикации.

Перед библиографией авторских литературоведческих статей указывается заголовок «**Статьи**». Названия не нумеруются и следуют подряд в хронологической последовательности. Тексты на иностранных языках помещаются в самом конце раздела по тому же принципу. Здесь обязательно перечисляются все публикации, вошедшие в текст статьи, и наиболее важные, туда не попавшие (рекомендательный принцип): полное название, периодическое издание, год издания, номер (выпуск, том, для газет — дата; с указанием соавторов); страницы не даются.

Перед опубликованными эгодокументами литературоведа, которому посвящена статья, идет заголовок «**Письма, дневники, мемуары**». Названия не нумеруются и следуют подряд в хронологической последовательности. Фамилии публикаторов, комментаторов, составителей и редакторов не указываются.

Перед библиографией работ литературоведа (если таковая издана) и архивными источниками используется заголовки «**Библиография, архивы**». Названия не нумеруются и следуют подряд: сначала — библиография, потом — архивы (в скобках приводятся только номера личных или значимых фондов, без единиц хранения).

Перед библиографией наиболее важных работ о литературоведе (в том числе мемуарного характера) следует заголовки «**Литература**». Названия не нумеруются и перечисляются подряд от ранних к поздним (по дате публикации). При этом в первую очередь называются словари и энциклопедии (без авторов статей и страниц). Фамилии авторов других публикаций даются курсивом, редакторы и составители не указываются (как и авторы некрологов). Страницы публикаций в периодических изданиях опускаются. Однако в объемных работах (прежде всего мемуарного характера), не снабженных именованным указателем, страницы оставлены для облегчения поиска. Материалы на иностранных языках помещаются в самом конце раздела по тому же принципу.

Тот или иной раздел пристатейной библиографии может отсутствовать, если он не обеспечен материалом.

Не имея возможности организовать *тотальную* проверку всего огромного фактологического материала, вошедшего в Словарь (проверка осуществлялась выборочно), оставляем ответственность за фактическую точность цитат, дат, библиографических описаний работ за авторами статей.

Каждая словарная статья завершается **подписью**, состоящей из фамилии и инициалов (расшифровка дается в прилагаемом перечне). Пользуясь случаем, мы благода-

рим всех наших авторов за самоотверженный труд, направленный на увековечение памяти учителей, коллег и учеников. Иногда статьи идут за подписью от «Редакции Словаря» или организаций (институтов, кафедр и т.п.). Особую благодарность в этой связи выражаем руководству и всему коллективу Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН), а также Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН за отзывчивость и помощь в подготовке издания.

Сердечная признательность тем, кто обеспечил Словарь иллюстрациями. Большая часть фотографий (многие из них публикуются впервые) была любезно предоставлена А.А. Гришуниной из личной коллекции ее отца, известного литературоведа Андрея Леопольдовича Гришунина. Не менее ценные архивные снимки прислали А.Г. Гачева, Е.И. Погорельская, Е.А. Тахо-Годи. В подборе фотографий принимали участие и студенты кафедры теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (А. Алейникова, Д. Алхазов, Е. Зайцев, М. Кипнис, И. Торгаев).

Спасибо всем, кто остался равнодушен к предлагаемому изданию и на разных этапах способствовал его появлению на свет, а также будущим читателям, которые, возможно, обнаружат в Словаре неточности в информации или какие-то пропуски и, как мы надеемся, предложат свои исправления либо дополнения. В следующих томах они будут обязательно учтены.

О.А. Клинг,
В.И. Масловский,
А.А. Холиков

А

АБРА́МОВ Анатолий Михайлович [05 (18).12.1917, станица Качалинская Второго Донского округа Обл. Войска Донского — 17.02.2005, Воронеж], историк лит-ры, лит. критик. Д-р филол. наук. Член СП СССР.

Родился в казачьей семье. В 1935 окончил Худож.-промышленный техникум Саратова, затем, в 1939, — Саратов. пед. ин-т, где занимался в семинаре проф. А.П. Скафтымова. По его совету А. поступил в аспирантуру ИФЛИ, но учебу прервала война. А. воевал на Карельском фронте, был корреспондентом красноармейской газ. «Вперед» (1943–1946). После войны окончил аспирантуру МГУ (1946–1949), в 1949 стал преподавателем Воронеж. гос. ун-та. В 1950 А. защитил канд. дис. «Поэтическое мастерство В. Маяковского в поэме „Владимир Ильич Ленин“» (МГУ). В 1960 в Воронеж. гос. ун-те была создана каф. сов. лит-ры, к-рую А. возглавлял 21 год (1960–1981). В 1969 он защитил докторскую дис. «Лирика и эпос Великой Отечественной войны. Проблематика. Стиль. Поэтика» (МГУ). В 1971 А. было присвоено звание профессора, с 1981 он работал в должности профессора каф. рус. лит-ры XX в.

Круг научных интересов А. определялся магистральным развитием сов. поэзии: В.В. Маяковский, поэты 1920-х, поэзия Великой Отечественной войны, А.Т. Твардовский, поэты-фронтовики. Первая публ. А. — в газ. «Брянский рабочий» — была посвящена поэме Н.Н. Асеева «Маяковский начинается» (1941). В той же газ. А. опубликовал рецензию, посвященную поэме Твардовского «Страна Муравия» (1941). В известном смысле эти публикации обозначили научные приоритеты А.: Маяковский и Твардовский станут «героями» многих его работ. В 1953 вышла монография А. «Поэтическое мастерство Маяковского в поэме „Владимир Ильич Ленин“». Ученый сумел найти свой подход к, казалось бы, досконально изученно-

му тексту. Он анализировал *ритмику* поэмы, впервые заговорил о творческом использовании Маяковским традиционных *размеров* рус. классической поэзии (см. об этом же статью А. «Ритмика поэмы „Владимир Ильич Ленин“», 1952). В монографии шел разговор не только о новаторстве поэта революционного времени, но и о традициях рус. поэзии, от к-рых Маяковский, по мнению А., не отказывался.

Исследовательские приоритеты А. определили научную жизнь созданной им кафедры. Эпоха оттепели была отмечена особым вниманием исследователей к лит-ре 1920-х, поскольку «возвращенные» писатели позволяли, наконец, восстановить подлинный *литературный процесс* первой половины XX в. В 1960–1970-е каф. сов. лит-ры предприняла издание серии сборников статей под общим названием «Революция. Жизнь. Писатель», научным редактором к-рых был А. Первый сборник (1969) открывался статьей А. «Революционное и национальное в поэзии Отечественной войны», в к-рой автор утверждал непрерывность развития рус. лит-ры. А. особо выделял нац. к-рое, по его мнению, уже в предвоенные годы занимало все большее место в отечественной поэзии: сов. не противоречило нац., а сов. лит-ра, в конечном итоге, несмотря на все декларации, развивала и сохраняла традиции рус. классики. Самым плодотворным периодом в научной карьере А. были 1960-е, когда он работал над докторской дис. Его статьи и рецензии появлялись во многих «толстых» ж-лах («Рус. лит-ра», «Нева», «Вопр. лит-ры», «Новый мир», «Волга» (Саратов), «Север» (Петрозаводск), «Подъем» (Воронеж) и др.). В эти годы продолжается сотрудничество А. с коллективом каф. сов. лит-ры МГУ. Он становится одним из авторов «Истории советской литературы» (1963), соавтором глав «Литература периода Великой Отечественной вой-

ны (1941–1945)» и «Литература послевоенного периода (1946–1956)». Главной книгой А. стала моногр. «Лирика и эпос Великой Отечественной войны. Проблематика. Стиль. Поэтика» (1972), выдержавшая три издания (М., 1975; Воронеж, 1987 — под названием «В огне великой войны»), где анализировались фронтовая лирика и эпические произведения, многообразие поэтических *жанров* и разнообразие *стилевых течений*. А. впервые заговорил о поэзии сов. военнопленных, оказавшихся в фашистских лагерях, что в те годы оставалось «закрытой» темой. Стержнем книги А. стал анализ поэмы Твардовского «Василий Теркин». «Фольклорный образ человека-народа», сплавленный «с образом человека, каким мы его видим в собственно литературных произведениях», стал для исследователя ключевым в истолковании поэмы. Еще один замысел книги «От мифа о человеке к человеку просто», где автор хотел написать об изображении человека в разные десятилетия сов. истории, остался лишь в набросках.

Выйдя на пенсию, А. собрал и издал книгу своих стихов разных лет «И я вступаю в диалог» (2001), написал и опубликовал поэму «Ермак» («Подъем». 2003. № 7).

Издания. Поэтическое мастерство Маяковского в поэме «Владимир Ильич Ленин». Воронеж, 1953; Поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин». М., 1955; Октябрьская поэма Маяковского. Воронеж, 1958; Голоса земли Алексея Кольцова. Поэзия и современность. Воронеж, 1964; Поэма В. Маяковского «Хорошо!». М., 1969; Образ В.И. Ленина в творчестве В. Маяковского. М., 1970; Лирика и эпос Великой Отечественной войны. Проблематика. Стиль. Поэтика. М., 1972; В соавторстве со временем: Исслед., ст., лит. портреты. М., 1982; В огне Великой войны. Проблематика. Стиль. Поэтика. Воронеж, 1987.

Статьи. Ритмика поэмы «Владимир Ильич Ленин» // Творчество Маяковского: Сб. ст. М., 1952; Деловито, честно, всерьез // Новый мир. 1963. № 10; Классический стих на службе современности // Волга. 1966. № 2; О стилевых направлениях в поэзии Великой Отечественной войны // Рус. лит-ра. 1969. № 3; Поэзия любви и ненависти [О лагерной поэзии] // Волга. 1969. № 12; Революционное и национальное в поэзии Отечественной войны // Революция. Жизнь. Писатель: Вопросы истории и теории сов. лит-ры. Воронеж, 1969; Человек на войне. Фронтная лирика Павла Шубина // Север. 1970. № 5; Об одном стихотворении. «Я убит подо Ржевом» А. Твардовского // Наш современник. 1971. № 6; Поэма О. Берггольц «Твой путь» // Метод и мастерство. Советская литература. Вып. 3. Вологда, 1971; О театральной поэтике Маяковского (Заметки о «Мистерии-Буфф») // Революция. Жизнь. Писатель: Вопросы истории и теории сов. лит-ры. Воронеж, 1976; Неизбежность новаторства [Об А. Твардовском] // Революция. Жизнь. Писатель. Воронеж, 1979; М. Горький. От мифа о человеке к «человеку просто» // Революция. Жизнь. Писатель. Воронеж, 1980; «Аналитическое искусство» А. Платонова. К постановке проблемы // Андрей Платонов: Проблемы интерпретации: Сб. науч. тр. Воронеж, 1995; Antokolski i nurt romantyczny // Literatura na Świecie. 1975. № 4 (48).

Письма, дневники, мемуары. Из тетрадей послевоенных лет. Из семейного архива // Тема войны в русской литературе XX века: Межвуз. сб. науч. тр., посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Воронеж, 2005.

Библиография, архивы. А.М. Абрамов. К 60-летию со дня рождения: Указ. лит-ры. Воронеж, 1977; Кафедра русской литературы XX века Воронежского государственного университета. 1960–2010. Воронеж, 2010.

Литература. КЛЭ. Т. 9. М., 1978; Воронежские писатели: Биобиблиогр. справочник. Воронеж, 1980; Кто есть кто в русском литературоведении: Справочник: В 3 ч. Ч. 1. М., 1991; Кто есть кто: Справочное изд.: Профессора, доктора наук Воронеж. гос. ун-та. Воронеж, 1999; Попов С.А. Филологический факультет ВГУ: прошлое, настоящее, будущее. К 60-летию со дня образования. Воронеж, 2001; Воронежская историко-культурная энциклопедия. Персоналии. Воронеж, 2006; Гусев В.И. Объяснение Абрамову: (К пятидесятилетию со дня рождения) // Подъем. 1967. № 6; Акаткин В.М. Зрелая пора таланта: (Об Анатолии Абрамове) // Прощание с утопией. Воронеж, 1991; Акаткин В.М. Ученый, критик, поэт // Абрамов А.М. «И я вступаю в диалог...». Воронеж, 2001; Лирика и эпос одной судьбы: памяти заслуженного деятеля науки РФ, члена Союза Российских писателей, профессора, доктора филологических наук Анатолия Михайловича Абрамова (1917–2005).

Воронеж, 2007; Акаткин В.М. Ученый, педагог, поэт (А.М. Абрамов) // Кафедра русской литературы XX века Воронежского государственного университета. 1960–2010. Воронеж, 2010; Акаткин В.М., Мущенко Е.Г., Никонова Т.А. Профессорство — это талант // Там же; Никонова Т.А. Лирика и эпос жизни профессора Абрамова // Университетская площадь: Альм. № 6. Воронеж, 2013.

Т.А. Никонова

АБРАМОВ Федор Александрович [29.02.1920, с. Веркола Пинежского у. Архангельской губ. — 14.05.1983, Ленинград], историк сов. лит-ры, писатель. Канд. филол. наук. Член СП СССР.

Родился в семье крестьянина. Участник Великой Отечественной войны. Окончил в 1948 ЛГУ. Преподаватель (с 1951), с 1956 по 1960 доцент, зав. каф. сов. лит-ры ЛГУ. Печатается с 1949 («Вестн. ЛГУ»). Основная сфера лит-вед. интересов А. — изучение принципов изображения народа, тема деревни в сов. лит-ре, творчество М.А. Шолохова. Последнему была посвящена канд. дис. А. «„Поднятая целина“ М. Шолохова» (1951) и единственная лит-вед. книга А. — «М.А. Шолохов. Семинарий» (1958). Тематика статей А.-лит-веда, опубликованных в периодике конца 1940-х — нач. 1950-х, выдержана в духе времени: проблема *типического* в лит-ре, образы коммунистов и народа в «Поднятой целине» Шолохова.

В 1949 А. принимает участие в кампании против «космополитизма» в ЛГУ: выступил с докладом, где критиковал деятельность Г.А. Бялого; тогда же напечатал статью в ж-ле «Звезда» «В борьбе за чистоту марксистско-ленинского литературоведения» (1949; в соавт. с Н.С. Лебедевым). Позднее А. воспринимал этот факт своей биографии как трагическую ошибку: «На своем 60-летию в 1980 году Федор Абрамов выйдет на сцену для ответного слова, а станет говорить о своей вине перед людьми и попросит прощения у тех, кого когда-то так несправедливо травил» (Снеговая И. В поисках «Чистой книги» // www.cbs-kurort.spb.ru; см. также: Рубашкин А.И. «Я, разумеется, отказался» [«Звезда». 2010. № 1]).

Принципиальное значение для формирования мировоззренческих и нравственно-этических позиций А. приобрела опубликованная на страницах «Нового мира» статья «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе: (Лит. заметки)» (1954), направленная против «теории бесконфликтности» и вызвавшая к жизни длившуюся больше года проработочную кампанию с осуждением этой статьи. В ней, по словам автора статьи о писателе Н. Цветовой в сб. «Характеры и судьбы», были сформулированы близкие А. творческие принципы: «Абрамов настолько точно, мощно, объемно представил, определил основания концепции „деревенской прозы“, что,

несмотря на огромное количество исследований, посвященных этому литературному событию, и ныне его идеи остаются наиболее значительными».

С 1960 А. становится профессиональным писателем. Вынесенное в заголовок очерка о Д.С. Лихачеве (1974) словосочетание «ученый и писатель» могло быть навеяно и размышлениями о собственной творческой судьбе. Его принципиальные позиции, обозначенные в первой нОВОМИРской статье, впоследствии прозвучат открытым вызовом «лакированной» лит-ре: в повести «Вокруг да около» (1963), открытом письме землякам «Чем живем-кормимся» (1979), тетралогии «Братья и сестры» (1959). Одновременно А. интенсивно работает в области критики: очерки и статьи о писателях-современниках (О.Ф. Берггольц, В.И. Белов, В.А. Курочкин, С.Г. Писахов, А.А. Прокофьев, Б.В. Шергин, А.Я. Яшин и др.). Принципиально важное место в этом ряду занимают лит.-критические работы, посвященные А.Т. Твардовскому, а также заметки об А.С. Пушкине, С.А. Есенине, М.М. Пришвине и А.В. Вампилове. А. публикует заметки об ученом-лит-веде В.Г. Базанове, названном А. «чернорабочим литературы»; воспоминания о коллегам-ученым по ЛГУ (Н.Я. Берковский, Г.П. Макогоненко и др.); статьи-размышления и интервью о собственной писательской практике, в к-рых важное место занимает проблема «писатель и читатель».

В 1974 А. задумывает статью «Кого ждет время: Шолохов и Солженицын», фрагменты к-рой были опубликованы наместо позднее. В ней явно намечался пересмотр взглядов на творчество Шолохова, может быть, полемика с собственными статьями конца 1940-х — нач. 1950-х. В этих заметках А., в частности, пишет: «Судьба Шолохова еще раз напоминает, что даже самый могучий талант мертвоет и погибает, если он не освещен светом истинной человечности. Лишенный подлинной духовной закалки и нравственной опоры в самом себе, Шолохов оказался неспособным противостоять натиску своей эпохи, ее грубой развращающей силе и соблазнам. То, что вознесло Шолохова, то его и убило. Время требует другой тип писателя. Писателя глубокого ума, широко-го философского кругозора и — главное — высоких нравственных устоев и идеалов». Статья осталась незавершенной.

Издания. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1990–1995; М.А. Шолохов. Семинарий. Л., 1958. — В соавт. с В.В. Гурой; Чем живем-кормимся: Очерки; Ст.; Воспоминания; Лит. портреты; Заметки; Размышления; Беседы; Интервью; Выступления. Л., 1986.

Статьи. О «Поднятой целине» М. Шолохова // Вестн. ЛГУ. 1949. № 3; Начало важного дела // Звезда. 1952. № 2; Проблема типического — важнейшая проблема литературы // Вестн. ЛГУ.

Сер. обществ. наук. 1953. № 12; Люди колхозной деревни в послевоенной прозе: (Лит. заметки) // Новый мир. 1954. № 4; Народ в «Поднятой целине» М. Шолохова // Михаил Шолохов: [Сб. ст.]. Л., 1956; Повесть о давних днях // Нева. 1957. № 11; Всегда ли надо жалеть? // Звезда. 1963. № 3; Ученый и писатель // Лит. газ. 1976. 8 дек.; О русских писателях // Лит. обозрение. 1987. № 4; Ученый-богатырь: Выступление на праздновании 70-летия Г.П. Макогоненко // Нева. 1995. № 2; Кого ждет время: Шолохов и Солженицын. Черновые заметки к задуманной статье [Публ. Л.В. Крутиковой-Абрамовой] // Нева. 2010. № 4.

Письма, дневники, мемуары. Так что же нам делать?: Из дневников, записных книжек, писем: Размышления, сомнения, предостережения, итоги. СПб., 1995.

Библиография, архивы. Федор Александрович Абрамов: Библиогр. указ. [Соч. и лит. о жизни и творчестве за 1951–1990]. Архангельск, 1993; Федор Александрович Абрамов. [Библиогр. указ. соч. и лит. о жизни и творчестве за 1991–2007]. Архангельск, 2007.

Литература. КЛЭ. Т. 1. М., 1962; Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Матер. к истории фак. СПб., 2008; Земля Федора Абрамова. М., 1986; *Золотусский И.* Федор Абрамов: Личность. Книги. Судьба. М., 1986; *Турков А.* Федор Абрамов: Очерк. М., 1987; *Распутин В.* Его сотворенное поле: О Федоре Абрамове // *Распутин В.* Что в слове, что за словом?: Очерки, интервью, рецензии. Иркутск, 1987; *Крутикова-Абрамова Л.* Дом в Верколе: Док. повесть. Л., 1988; *Цветов Г.* Шедший против ветра // Лит-ра в шк. 1989. № 6; *Азадовский К.М., Егоров Б.Ф.* О низкополитизме и космополитизме. 1948–1949 // Звезда. 1989. № 6; *Оклянский Ю.* Дом на угоре: О Федоре Абрамове и его книгах. М., 1990; Творчество Федора Абрамова: Традиции и современность. Архангельск, 1995; *Ямпольский И.* Из воспоминаний // Лица: Биограф. альм. 7. М.; СПб., 1996. С. 483; *Кульбас Д.Г.* Эстетические принципы Ф. Абрамова: Учебное пособие. Курган, 1998; *Азадовский К.М., Егоров Б.Ф.* «Космополиты» // Новое лит. обозрение. 1999. № 36; Воспоминания о Федоре Абрамове. М., 2000; Слово Федора Абрамова: Сб. ст. Архангельск, 2001; В мире Федора Абрамова. СПб., 2005; Юбилейный венок Федору Абрамову 1980: Приветствия Ф. Абрамову в день 60-летия. СПб., 2005; *Смирнов С.Р.* Многодомье Федора Абрамова. СПб., 2010; Характеристики и судьбы: Проза Федора Абрамова: Сб. науч. ст., посвященный 90-летию со дня рождения писателя. СПб., 2010; *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е гг. Т. 1–2. М., 2012 (по именному указ.); *Мартынов Г.Г.* Летопись жизни и творчества Федора Абрамова, 1920–1983: В 4 кн. Кн. 1. СПб., 2015.

С.Р. Смирнов

АБРАМОВИЧ Григорий Львович [13 (26).10.1903, Елец Орлов. губ. — 14.06.1979, Москва], теоретик, историк рус. лит-ры. Д-р филол. наук.

Участник Гражданской войны. В 1924 закончил Москов. ин-т слова. Затем семь лет работал учителем словесности в средней школе, после — преподавателем в Москов. индустриально-пед. ин-те. С 1933 преподавал на каф. рус. лит-ры МОПИ (с перерывом на годы Великой Отечественной войны, участником к-рой А. был). В 1957–1963 А. был сотрудником Сектора теории лит-ры и эстетики ИМЛИ, где в 1960 защитил докторскую дис. «Проблемы специфики литературы и литературного развития». Участвовал в создании трехтомного труда «Теория литературы» (1962–1965). Публиковался в ж-ле «Лит-ра в школе».

Издания. Русская литература: Учебник для IX класса ср. школы. М., 1935. — В соавт. с Б. Брайниной, А. Еголинским; Введение в литературоведение: Пособие для учительских ин-тов. М., 1953. *Редактирование, составление и подготовка к печати.* Основы эстетического воспитания. М., 1975.

Статьи. О гуманизме Гоголя // Лит-ра в шк. 1938. № 1; Критические мотивы в творчестве Лермонтова // М.Ю. Лермонтов: Сб. ст. М., 1941; Народная мысль в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Уч. зап. МОПИ. 1949. Т. 13. Вып. 1; К проблеме литературного образа // Вопр. теории лит-ры. М., 1950; Введение в литературоведение // Лит-ра в шк. 1954. № 3. — В соавт. с С.Г. Шнелом; «Старосветские помещики» Н.В. Гоголя // Уч. зап. МОПИ. 1956. Т. 40. Вып. 2; Историзм в теории литературы // Вопр. лит-ры. 1959. № 3; К вопросу о природе и характере реализма Достоевского // Творчество Ф.М. Достоевского. М., 1959; Историческое изучение литературных связей и наше отношение к наследию А.Н. Веселовского // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. Мат-лы дискуссии 11–15 янв. 1960 г. М., 1961; Трагедийная тема в творчестве Лермонтова // Творчество М.Ю. Лермонтова. М., 1964; К вопросу об идее повести-сказки Н.В. Гоголя «Вий» // Проблемы теории и истории литературы: Сб. ст., посвященный памяти проф. А.Н. Соколова. М., 1971.

Литература. КЛЭ. Т. 1. М., 1962; *Новикова А.М.* Честное служение делу: (К 60-летию со дня рождения проф. Г.Л. Абрамовича) // Народный учитель. 1963. 23 окт.; [Некролог] // Филологические науки. 1987. № 6; *Полонский Г.* Помнится то, что восхищало. М., 1993; *Журавлева А.А.* Голос памяти. М., 1999; *Гродская Н.С.* Слово об ученом-педагоге: (К 100-летию со дня рождения Г.Л. Абрамовича) // Народный учитель. 2004. 23 февр.; *Аношкина В.Н., Леношкина Л.Г.* История и современная жизнь кафедры русской классической литературы МГОУ. М., 2011.

В.А. Скрипкина

АБРАМОВИЧ Дмитрий Иванович [26.07 (07.08) [по другим источникам — 26.06]. 1873, местечко Гулевицы Луцкого у. Волынской губ. — 04.03.1955, Вильнюс], историк рус. лит-ры. Член-корр. АН СССР.

Родился в семье священника. Окончил Мелецкое духовное училище, Волынскую духовную семинарию и Петербург. духовную академию, в к-рой с 1898 стал преподавать (в 1909 был уволен оттуда по распоряжению Синода за неблагонадежность и политически вредные направления в преподавании совр. рус. лит-ры). В 1903 А. защитил дис. «Исследования о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике». В 1909–1919 он преподавал на Высш. женских курсах (Бестужевских), Высш. пед. курсах, в Петроград. ун-те историю рус. лит-ры и языка, церковнославянский язык и палеографию.

Одновременно А. работает в Рукописном отд-нии Публичной б-ки (1910–1927), что во многом определило характер его научной деятельности. Он занимался архивными разысканиями, текстологическими и археографическими исследованиями, публикацией лит. памятников. А. создал ряд образцовых описаний коллекций Отд-ния рукописей: Новгород.-Софийского собрания рукописных поступлений за 1913; каталог собраний рукописей проф. И.В. Помяловского (1914) и др.

А. — знаток древнерус. книжности, автор около 200 статей и обзоров о рукописных памятниках, работ, посвященных истории древней и новой рус. лит-ры, палеографии, источниковедению: исследование о Несторе Летописце, об «Изборнике Святослава...», издание «Жития святых мучеников Бориса и Глеба», «Четьи-Минеи» и др.

Научные интересы А. были связаны и с историей рус. лит-ры XIX в.: под его редакцией и с его примечаниями вышло первое научное издание полн. собрания сочинений М.Ю. Лермонтова (1910–1913. Т. 1–5); он опубликовал ранее неизвестную «Необыкновенную историю» И.А. Гончарова (тамфлет, направленный против И.С. Тургенева); был автором работ об А.С. Пушкине, Н.В. Гоголе, А.Н. Майкове и др. рус. писателях.

В 1927 А. был арестован по обвинению в принадлежности к подпольной контрреволюционной монархической организации и осужден сроком на 5 лет. Заключение отбывал на Соловках. После освобождения с 1939 по 1941 преподавал в Смоленском гос. пед. ин-те, в послевоенное время читал историю рус. лит. языка в Вильнюсском гос. ун-те.

Издания. Исследование о Киево-Печерском Патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902; Лекции по истории русской литературы 1901/2-й уч. г. [СПб., 1902]; История русской литературы. [Лекции]. СПб., 1903; Из лекций по истории рус-

ской литературы... [СПб., 1904]. *Редактирование, составление и подготовка к печати*. Софийская библиотека... [Описание рукописей]. Вып. 1–3. СПб., 1905–1910; *Лермонтов М.Ю.* Полн. собр. соч. Т. 1–5. СПб., 1910–1913; Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911; Каталог собрания рукописей профессора И.В. Помяловского, ныне принадлежащих Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1914; Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916; Письма русских писателей А.С. Суворину. Л., 1927; Киевско-Печерский патерик. Киев, 1930.

Статьи. Пушкин перед судом современников и потомства: главные моменты в истории истолкования и оценки произведений Пушкина // Христианское чтение. 1899. № 8; К вопросу об объеме и характере литературной деятельности Нестора Летописца // Труды одиннадцатого Археологического съезда в Киеве (1899). Т. 2. М., 1902; Гоголь в русской критике [Речь, читанная 21 февр. 1902] // Христианское чтение. 1902. № 5; Памятники языка и письма и археографические находки на XII археологическом съезде в г. Харьков // Там же. 1903. № 1; К вопросу о реформе русского православия // Там же. 1906. № 2; Записная книжка Ф.П. Львова // Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко от сослуживцев по Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1913.

Библиография, архивы. Записка об ученых трудах профессора Д.И. Абрамовича // Изв. ОРЯС АН СССР. Сер. 6. 1921; *Берков П.Н.* Хронологический список печатных работ члена-корреспондента АН СССР Д.И. Абрамовича (1873–1955) и литературы о нем // Тр. ОДРЛ. 1956. Т. 12; Отдел архивных документов РНБ (ф. 1); ОР РНБ (ф. 4); ЦГАЛИ СПб (ф. 97).

Литература. Новый энциклопедический словарь. Т. 1. СПб., 1911; КЛЭ. Т. 1. М., 1962; Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биограф. словарь: В 4 т. Т. 1. СПб., 1995; Член-корреспондент АН СССР Д.И. Абрамович: (К 80-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1953. Т. 12. Вып. 5; [Некролог] // Тр. ОДРЛ. 1955. Т. 11; *Кулешов В.И.* Неожиданная встреча с Л.П. Карсавиным // Вопр. философии. 1993. № 5.

Н.А. Дровалева

АБРАМОВИЧ Николай Яковлевич (Н. Кадмин) [29.10 (10.11).1881, Таганрог — март 1922, Москва], лит. критик, историк лит-ры, писатель, публицист.

Из бедной еврейской семьи. С нач. 1900-х выступает как критик в таких ж-лах, как «Образование», «Совр. мир», «Рус. мысль», «Ж-л для всех», «Жизнь», в газ. — позже эти статьи составили его сб. «В осенних садах» (1909) и два тома «Литературно-критических очерков» (1911).

В статьях второй половины 1900-х А. вырабатывает такие понятия, как «стихийность» (непроизвольность и безыскусственность таланта) и «рисунк» (совокупность приемов письма автора). Разбирая типы «рисунка» разных авторов, А. обращается к творчеству М.П. Арцыбашева, А.И. Куприна, Д.С. Мережковского, Ф. Сологуба, Л.Н. Андреева и др.

Одновременно А. выступал и как историк рус. лит-ры. В 1913 в серии «Пособия по изучению рус. лит-ры» выходят его очерки (под псевд. Н. Кадмин) об И.А. Гончарове, М.Ю. Лермонтове, И.С. Тургеневе. Две книги А. посвящены творчеству Л.Н. Толстого («Религия Толстого», 1914) и Ф.М. Достоевского («Христос Достоевского», 1914). А. публикует также попул. работы в жанре «очерк о жизни и творчестве» о западных писателях: Дж.Г. Байроне, Ч. Диккенсе, В. Гюго, К. Гамсуне.

Перу А. принадлежат работы, в к-рых он не ограничивается портретом одного писателя, а дает картину лит-ры определенного периода в целом: «Очерки по истории русской литературы: (от 30-х годов XIX ст. до Чехова)», 1912; двухтомная «История русской поэзии» (1914–1915), охватывающая период от древней народной поэзии до современности. Они не были самостоятельными исследованиями и носили компилятивный характер.

Издания. Религия красоты и страдания: О. Уайльд и Достоевский. СПб., 1909; Детские годы А.П. Чехова. М., 1910; Сказка о голом короле: Леонид Андреев и «Анатэма»: Постановка Художественного театра. М., 1910; Кнут Гамсун: (Общий очерк о жизни и творчестве). М., 1910; Орел французской поэзии: Виктор Гюго: Его жизнь и произведения. М., 1910; Поэт жалости и любви Чарльз Диккенс. М., 1910; Поэт свободы лорд Генри [Так!] Байрон. М., 1912; Очерки по истории русской литературы: (от 30-х годов XIX ст. до Чехова). М., 1912; И.А. Гончаров: Жизнь, личность и творчество. М., 1913; М.Ю. Лермонтов: Жизнь, личность и творчество. М., 1913; И.С. Тургенев: Жизнь, личность и творчество. М., 1913; Женщина и мир мужской культуры: Мировое творчество и половая любовь. М., 1913; Религия Толстого. М., 1914; Христос Достоевского. М., 1914; История русской поэзии: В 2 т. М., 1914–1915; Современная лирика. Клюев, Кусиков, Ивнев, Шершеневич. Рига, 1921.

Статьи. Стихийность в молодой поэзии // Образование. 1907. № 11; [Предисловие] // *А.И. Куприн* Собр. соч. Т. 1. СПб., 1911 (Бесплатное приложение к ж-лу «Новая Россия»); [Предисловие] // *Петроний*. Сатириконт. М., 1913.

Библиография, архивы. РО ИРЛИ (ф. 377); ЦГИА СПб (ф. 776).

Литература. БСЭ. 1-е изд. Т. 1. М., 1926; *Козьмин Б.П.* Писатели современной эпохи: Биобиблиогр. словарь

рус. писателей XX века. Т. 1. М., 1992; Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 1. М., 1989; [Некролог] // Изв. 1922. 22 марта. № 65.

Редакция Словаря

АБРАМОВИЧ Стелла Лазаревна [08.09.1927, Харьков — 17.02.1996, Санкт-Петербург], историк рус. лит-ры, пушкинист.

Родилась в семье врачей. После окончания рус. отд-ния филол. фак. Харьковского гос ун-та (1950) А. более двадцати лет преподавала в школах Ленинграда, итогом чего стала ее кн. «Уроки внеклассного чтения в 7–8 классах: Из опыта работы» (1964). С 1971 по 1988 А. работала в должности старшего научного сотрудника музея А.С. Пушкина (Музея-квартиры Пушкина на Мойке).

Основным предметом исследования А. стала жизнь и творчество Пушкина. Она долгое время собирала материалы по окружению и биографии поэта. В 1974 А. напечатала статью «К истории дуэли Пушкина», что определило темы ее будущих работ: поэт и власть, дуэль Пушкина. На Пушкинских чтениях в Михайловском исследовательница выступила с докладом «Ноябрьские анонимные письма и их роль в дуэльной истории Пушкина» (1979). А. опубликовала кн. «Пушкин в 1836 г.: (Предыстория последней дуэли)» (1984), «Последний год: Хроника. Янв. 1836 — янв. 1837» (1991), «Пушкин в 1833 г.: Хроника» (1994).

Издания. Пушкин в 1836 г.: Предыстория последней дуэли. 2-е изд. Л., 1989; Пушкин. Последний год: Хроника. Янв. 1836 — янв. 1837. М., 1991; Пушкин в 1833 г.: Хроника. М., 1994; Предыстория последней дуэли Пушкина: Янв. 1836 — янв. 1837. СПб., 1994.

Статьи. Крестьянский вопрос в статье Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург» // Пушкин: Исслед. и матер. Т. 4. М.; Л., 1962; К вопросу о становлении повествовательной прозы Пушкина: Почему остался незавершенным «Арап Петра Великого» // Рус. лит-ра. 1974. № 2; К истории дуэли Пушкина // Нева. 1974. № 5; К истории конфликта Пушкина с Воронцовым // Звезда. 1974. № 6; 250 лет жизни дома на Мойке // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегод. 1977. М., 1977; Из истории создания Музея-квартиры А.С. Пушкина на Мойке. 1922–1927 // Музейное дело в СССР. М., 1977; К истории дуэли Пушкина: (Ауденция во дворце 23 нояб. 1836 г.) // Вопр. лит-ры. 1978. № 11; Накануне 4 ноября: К истории дуэли А.С. Пушкина // Лит. обозрение. 1979. № 7; Письма П.А. Вяземского о гибели Пушкина // Пушкин: Исслед. и матер. Т. 13. Л., 1989; Переписка Жуковского с Пушкиным в ноябре 1836 г.: Уточнение датировок // Жуковский и русская культура: Сб. науч. тр. ИРЛИ. Л., 1987; Пушкин. Труды и дни: Из хроники 1836 г. // Звезда. 1986. № 11–12; 1987. № 1–2; Пушкин

и Е.Н. Вревская в январе 1837 года // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. Вып. 21. Л., 1987; Об одной ошибке комментаторов // Там же. Вып. 22. Л., 1988.

Литература. Некителова Н. В метель, о Пушкине... // Время. 1996. № 29; [Некролог] // С.-Петербург. ведомости. 1996. № 30.

Н.А. Дровалева

АБЫЗОВ Юрий Иванович [19.11.1921, пос. Реж Екатеринбург. у. Екатеринбург. губ. — 20.06.2006, Рига], библиограф, рус. и латв. писатель. Член СП СССР.

Участник Великой Отечественной войны. Окончил Латв. гос. ун-т (1949). А. преподавал в Рижском и Даугавпилсском пед. ин-тах (ныне Даугавпилсский ун-т), занимался переводами (с латыш., польского, чеш., сербохорват., англ. языков). С 1952 работал редактором в Латвийском гос. изд-ве. А. регулярно печатал статьи в ж-ле «Даугава».

В 1990-е в Стэнфордском ун-те вышел составленный А. справочник «Русское печатное слово в Латвии» (в 4 частях), в к-ром представлены русскоязычные издания, опубликованные в Латвии с 1917 по 1944. Там же, в Стэнфорде, А. (вместе с Б. Равдиным и Л. Флейшманом) напечатал материалы из архива попул. среды рус. эмиграции газ. «Сегодня», выходявшей в Латвии с 1919 по 1940. В двухтомном издании «От Лифляндии к Латвии» (1993–1999), хронологически охватывающем около столетия (от середины XIX в. до 1939), А. показал Прибалтику глазами россиян. Последней книгой А., вышедшей в 2006, стал его ист.-библиогр. очерк «А издавалось это в Риге. 1918–1944».

А. был инициатором ряда конференций «Русские Прибалтики», проведенных в Вильнюсе, Таллине и Риге в конце 1990-х — нач. 2000-х. По его инициативе совместными усилиями культурологов трех стран Балтии издано десять томов «Балтийского архива», в к-ром сам А. сделал ряд публикаций.

В 1989–2006 А. — бессменный председатель Латвийского общества рус. культуры.

Издания. Русское печатное слово в Латвии. 1917–1944: Биобиблиогр. справочник: В 4 ч. Stanford, 1990–1991 (Stanford Slavic studies); Русская печать в Риге: Из истории газ. «Сегодня» 1930-х гг.: В 5 кн. Stanford, 1997 (Stanford Slavic studies). — В соавт. с Б. Равдиным и Л. Флейшманом; А издавалось это в Риге. 1918–1944: Ист.-библиогр. очерк. М., 2006. *Редактирование, составление и подготовка к печати.* Слово в нашей речи: Сб. ст. Вып. 3, 4, 5, 7. Рига, 1981–1989; От Лифляндии — к Латвии: Прибалтика рус. глазами: [Сб.]. Т. 1–2. М., 1993–1999; Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. 4. Рига, 1999; Т. 10.

Рига, 2005; Газета «Сегодня». 1919–1940: Роспись. Ч. 1. 1919–1930; Ч. 2. 1931–1940. Рига, 2001; *Самойлов Д.* В кругу себя. Таллин, 2001; «Даугава». Роспись: 1977–2006. Рига, 2007.

Статьи. Мир дайн и проблемы их перевода // Латышские дайны. Рига, 1984; За бортом подстрочника // Даугава. 1985. № 3; «Исполинские малютки...»: (Заметки переводчика) // Слово в нашей речи '85. Рига, 1985; Петр Пильский: Опыт столичной и провинциальной биографии // Даугава. 1993. № 5; Феномен культуры русских в Латвии // Русские в Латвии: Из истории и культуры староверия. Вып. 3. Рига, 2002; Рижско-парижский журнал «Для вас» // Даугава. 2002. № 3; В рассеянии сущие // Там же. 2003. № 6; Алексей Мильруд // Там же. 2006. № 3.

Письма, дневники, мемуары. Страница из ненаписанных мемуаров // Даугава. 2000. № 6.

Литература. Выдающиеся русские латвийцы: Биогр. справочник. Рига, 2008; *Аршавская Т.* Юрию Абызову — 75 // Даугава. 1996. № 6; *Равдин Б.* Юрию Ивановичу Абызову — 80? // Там же. 2001. № 6; Беседа на Латвийском радио, посвященная 85-летию со дня рождения Ю.И. Абызова // Там же. 2007. № 1; *Аршавская Т.* Абызов, Лорк и бремя // Там же; *Иифантьев Б.* Юрий Иванович Абызов — фольклорист // Там же; *Копонова Н.* Юрий Иванович Абызов и Давид Самуилович Самойлов // Там же.

Редакция Словаря

АВДИЕВ Всеволод Игоревич [04 (16).10.1898, Москва — 09.05.1978, Москва], историк-востоковед, египтолог. Д-р ист. наук.

Из семьи юриста. Окончил ист.-филол. фак. Москов. ун-та. (1922), где он изучал ассириологию, семитологию, индологию и классическую филологию. В течение жизни А. работал во многих востоковедческих учреждениях Москвы, в числе к-рых — Музей изящных / изобразительных искусств (1924–1941; Отдел Древнего Востока), ИФЛИ (1931–1941), Москов. ин-т востоковедения (1931–1941), каф. истории Древнего мира МГУ (1942–1978), Ин-т востоковедения АН СССР (1944–1960) и др. В 1943 А. защитил докторскую дис. «Предпосылки завоевательной политики Древнего Египта в Передней Азии в эпоху XVIII династии» (на ее основе издана кн. «Военная история Древнего Египта», 1948–1959).

Среди многочисленных работ А.-историка небольшое место занимают публикации, связанные с лит-рой и искусством региона — Ассирии, Вавилона, Абиссинии, Египта, написанные в жанре энциклопедических статей (ЛЭ, БСЭ).

Издания. История Древнего Востока. 4-е изд. М., 1979. — В соавт. с А.А. Вигасиным, М.А. Дандамаевым и др.

Статьи. Культурное наследие Древнего Египта // Acta antiqua. Budapest,

1959. Т. 6. № 135–137; Возникновение древнеегипетской письменности: Доклад на 25 Междунар. конгрессе востоковедов. М., 1960; Боги, рожденные илом // Наука и религия. 1967. № 8; Египетская традиция в труде Геродота // ВДИ. 1977. № 1.

Библиография, архивы. [Библиография] // Древний Восток и античный мир. М., 1972; [Библиография] // *Авдиев В.И.* Лирика. М., 1998.

Литература. *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1977; К шестидесятилетию профессора Всеволода Игоревича Авдиева // ВДИ. 1958. № 4; *Соловьева С.С.* Всеволод Игоревич Авдиев: (К 70-летию со дня рождения) // Вестн. МГУ. Сер. 12: История. 1968. № 6; *Новицкий Г.А., Соловьева С.С.* Всеволод Игоревич Авдиев // Древний Восток и античный мир. М., 1972; [Некролог] // ВДИ. 1978. № 4; [Некролог] // Вопр. истории. 1978. № 8; *Дикарева С.В., Архипова С.В.* О Всеволоде Игоревиче Авдиеве // *Авдиев В.И.* Лирика. М., 1998.

Н.А. Дровалева

АВЕРБАХ Леопольд Леонидович [08 (21).03.1903, Саратов — 14.08.1937 (?), Москва (?)], лит. критик, публицист; партийный работник. Член СП СССР.

Из купеческой семьи. Рано стал заниматься комсомольской и партийной работой (ушел из гимназии в 1918, не закончив пятого класса); член ЦК комсомола первого созыва; секретарь его москов. отд-ния; руководитель Коминтерна молодежи; в 1924–1925 — на партийной работе на Урале. Успешной карьере А., кроме прочего, способствовали его семейные связи (племянник Я.М. Свердлов, зять В.Д. Бонч-Бруевича, а его шурином был Г.Г. Ягода).

Как публицист и критик, а также редактор и организатор А. активно проводил партийную политику в области лит-ры: редактировал ж-лы «Молодая гвардия» (1922–1924), «На лит. посту» (1926–1932), «Вестн. иностранной лит-ры» (1928–1930); один из основателей и генеральный секретарь РАПП (1925–1932). После ликвидации РАПП (1932) принимал участие в подготовке 1-го Всесоюзного съезда сов. писателей и осуществлении ряда начинаний М. Горького (сборник о Беломорско-Балтийском канале, серия кн. «История фабрик и заводов» и др.), затем вынужден был отправиться на Уралмашзавод (в должности секретаря парткома, позже (до ареста) работал первым секретарем Орджоникидзевогo райкома ВКП(б) Свердловска (1935–1937)). В 1937 А. был обвинен в троцкизме и связях с объявленным к тому времени «врагом народа» Г. Ягодой и арестован. Погиб в заключении (существуют три версии смерти А.: расстрелян; покончил с собой, бросившись в пролет лестницы, по версии К. Симонова; погиб в лагерьях — см. материал Я. Лотовского

«О последних днях Леопольда Авербаха, генерального секретаря РАПП», 2002).

В своих многочисленных работах А. проводил партийную линию в области лит-ры и, шире, культуры, к-рые считались «формой классовой борьбы пролетариата», поэтому разговор о них должен был вестись языком идеологического противостояния, хотя «слишком часто язык классовой борьбы считается грубым и недопустимым в области высоких идеологий». «Художественный метод писателя не может быть оторван от его идеологии», — писал А., пытаясь выявить авторскую позицию, опираясь на свою интерпретацию идеологии писателя. На основе идеологических и классовых симпатий и антипатий А. разделяет писателей на пять «отрядов»: буржуазных, старопутнических, ново-путнических, крестьянских и пролетарских. Сугубо идеологический подход А. и вообще всей рапповской критики не требовал лит-вед. анализа текста; как правило, просто пересказывался сюжет, приводилось несколько цитат, заявлялось, что они «не требуют комментария» и на основании этого выносились оценка (точнее, приговор).

Центральный вопрос для А. — задачи, стоящие перед сегодняшней лит-рой: возможность создания пролетарской лит-ры, социальный заказ, «учеба у классиков» и *психологизм*. Все эти вопросы обсуждаются в яростных спорах, где А. — одна из главных фигур. Дискуссия по поводу возможности существования пролетарской лит-ры велась идеологами РАППа с А.К. Воронским, идеологом «Перевала», утверждавшим, что она невозможна, поскольку этап господства пролетариата является лишь переходным к бесклассовому обществу, где будет бесклассовая лит-ра. Воронского А. воспринимает как своего основного идеологического противника, регулярно обрушиваясь на него и на «Перевал» (см. речи в сб. «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата», 1925; «Опять о Воронском», 1926; «Долой Плеханова: (Куда растет школа Воронского)» из сб. «Творческие пути пролетарской литературы», 1929 и др.). А. настаивает, что пролетарская лит-ра не просто может быть, она есть и активно развивается (под пролетарской лит-рой А. понимал те произведения, к-рые выражают классовую идеологию пролетариата и служат достижению его целей). В этом смысле А. не отступал от партийной точки зрения, согласно к-рой писатель прямо или косвенно исполняет *социальный заказ*; однако пролетарский писатель должен выполнять его осознанно, понимая «то практическое значение, которое произведение будет иметь» (см. статью «Творческие пути пролетарской литературы», 1928).

В своих работах А. сформулировал теорию *«диалектико-материалистического творческого метода»*: классовость, партийность, ориентацию на реалистический стиль и психоло-

гическую прозу XIX в. Само понятие «творческого метода», вытесняющее «стиль» и «направление», по всей видимости, позволяет говорить А. только об идеологической стороне творчества, не анализируя стиль и худож. технику автора: «...художественный метод писателя полностью и целиком подчиняется всей его идеологической установке».

Одним из принципиальных требований А. к писателю было учиться у классиков и изображать «живого человека». Причем под классикой подразумевается прежде всего Л.Н. Толстой как автор, оптимистически смотрящий на мир, дающий читателю разрешение противоречий и процесс становления нового: «... прежде всего нужно учиться у пушкинской школы — у Толстого» (см. статью «Творческие пути пролетарской литературы», 1928).

Регулярно повторяется в работах А. требование об углублении психологизма, понимаемого как психология «социальных типов». А. настаивает на том, что внутренний мир человека должен изображаться, но при этом быть четко соотнесен с его классовой и партийной принадлежностью: «Беда „Дней Турбиных“ не в том, что белая гвардия показана как группа живых и подчас даже симпатичных людей, а в том, что эти люди, социальная функция которых нам всем известна, в пьесе намеренно даны вне их социальной функции...». Это не отменяет требования изображать даже врага «живым»: «Надо уметь ненавидеть классового врага и тогда, когда он... в быту... человек, даже наделенный некоторыми приятными добродетелями», «враг должен быть показан *живым* — но живым врагом» (Противники ли мы психологизма // Творческие пути пролетарской литературы: [2-й сб. ст.]. М.; Л., 1929).

В истории отечественной лит-ры А. остался как один из гонителей многих талантливых писателей 1920–1930-х, в частности А.П. Платонова. В статье «О целостных масштабах и частных Макарах» (1929) А. уличает автора «Усомнившегося Макара» в гуманизме, к-рый, с его точки зрения, является качеством, классово чуждым пролетариату: «Нам нужны высочайшее напряжение всех сил, подбранность всех мускулов, суровая целеустремленность. А к нам приходят с проповедью расслабленности. А нас хотят разжалобить. А к нам приходят с пропагандой гуманизма, как будто есть на свете что-либо более истинно-человечное, чем классовая ненависть пролетариата...».

Другой жертвой рапповской критики был М.А. Булгаков. А. неоднократно подчеркивал, что писатель не может быть назван даже попутчиком, стремился полностью отрезать его от возможности печататься: «Булгаковы появляться будут неизбежно, ибо нэпманству на потребу злая сатира на советскую страну, откровенное издевательство над ней, прямая враждебность. Но неужели Булгаковы будут

и дальше находить наши приветливые издательства и встречать благосклонность Главлита?» («Михаил Булгаков», 1925).

А. подвергает критике творчество С.А. Есенина («Памяти Есенина», 1925; «Есенин и есенинщина» в сб. «Культурная революция и вопросы современной литературы», 1928), Н.А. Клюева (О современной литературе // На лит. посту. 1928. № 11–12), Б.А. Пильняка, Е.И. Замятина, Вс.В. Иванова (Культурная революция и задачи пролетарской литературы // О задачах пролетарской литературы. М.; Л., [1928]), В.В. Маяковского. После гибели последнего А. издал кн. «Памяти Маяковского» (1-е изд. — 1930), в к-рой, признавая масштабность пройденного поэтом пути, не забывает ни «скепсис безнадежного отрицания окружающего», ни «тоскливый гуманизм, розоватенкое человеколюбие», ни «тягу к скорбному самопожертвованию». «Канонизировать метод Маяковского — значит не понимать... развития пролетарской литературы...», поскольку поэт до конца не понимал смысла революции, его представления о ней были излишне абстрактными. Книгу А. завершает серией риторических вопросов, чтобы показать, как собственно далеки Маяковский от подлинного метода пролетарской лит-ры. Считая образцовым поэтом Д. Бедного, А. видел вершину творчества Маяковского в момент, когда тот работал в русле его поэзии (в период «окоп РОСТА»).

А. принимает активное участие в проработочной кампании, направленной против В.Ф. Перверзева (1929–1930), обвиняет его в меньшевизме, искажении материалистической концепции, считает, что он выводит культуру непосредственно из производства, игнорируя классовую структуру общества, из-за чего «стиль классовой культуры, стиль того или иного литературного направления оказывается легко и свободно определяемым без обращения к классовой борьбе». Еще один тезис Перверзева, вызывающий яростное неприятие А., — это то, что искусство как мышление образами является особой формой идеологии, прямо не переводимой на язык философии, поэтому изучать должно самое искусство, поэтический стиль: «Не идея, а бытие, — этот лозунг Перверзева расшифровывается как бегство от борьбы классов с их идеями в свой замкнутый, обособленный, независимый... мирок литературы...» (К критике взглядов профессора В.Ф. Перверзева // Против меньшевизма в литературоведении. М., 1931).

Издания. За пролетарскую литературу: О политике РКП (б) в области худож. лит-ры. Л., 1925 [на обл. дата: 1926]; Наши литературные разногласия. Л., [1927]; Писатель болен?: [О совр. писателе]. М.; Л., 1927. — В соавт. с М.С. Шагинян; Культурная революция и вопросы современной

литературы. М.; Л., 1928; О задачах пролетарской литературы. М.; Л., [1928]; Памяти Маяковского. 2-е изд., доп. М.; Л., 1931; Перестраиваемся: Ст. М., 1930; За гегемонию пролетарской литературы. Л.; М., 1931; Из рапповского дневника: [Лит.-критические ст.]. Л., [1931]; Критические статьи. [М.], 1932. *Редактирование, составление и подготовка к печати*. Творческие пути пролетарской литературы: [2-й сб. ст.]. М.; Л., 1929; С кем и почему мы боремся. М.; Л., 1930; Против меньшевизма в литературоведении. М., 1931.

Статьи. Нейтралитет или руководство: К дискуссии о политике РКП в области худож. лит-ры // Правда. 1924. 19 февр. — Совм. с др.; Михаил Булгаков // Изв. 1925. 20 сент.; Памяти Есенина // Там же. 1925. 31 дек.; Опять о Воронском // На лит. посту. 1926. № 1; О современной литературе // Там же. 1928. № 11–12; Творческие пути пролетарской литературы // Творческие пути пролетарской литературы Т. 1. М., 1928; О культурной преемственности и пролетарской культуре // Красная новь. 1929. № 6; Об ориентации на массы и опасности царства крестьянской ограниченности // На лит. посту. 1929. № 14; О целостных масштабах и частных Макарах // Октябрь. 1929. № 11; К критике взглядов В.Ф. Переверзева // На лит. посту. 1930. № 3; О великом гении и узком филистер: [О И.В. Гете] // Лит. наследство. Т. 4–6. М., 1932.

Библиография, архивы. Указ. к «На лит. посту»: Предметный и именной указатель за 1927–1928 гг. [М.], [1929]; То же за 1929: «На лит. посту». 1930. № 2; Советское литературоведение и критика... 1917–1962 гг.: Библиогр. указ. М., 1966.

Литература. Писатели современной эпохи: Биобиблиогр. словарь рус. писателей XX в. Т. 1. М., 1928; ЛЭ. Т. 1. [М.], 1930; КЛЭ. Т. 9. М., 1978; *Усиевич Е.* За чистоту ленинизма в литературной теории: (О нек-рых лит. взглядах т. Авербаха) // Октябрь. 1932. № 8; *Белая Г.А.* Дон Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей. М., 1989; *Счастье литературы: Гос-во и писатели. 1925–1938.* Документы. М., 1997; *Лотовский Я.* О последних днях Леопольда Авербаха, генерального секретаря РАПП // Вопр. лит-ры. 2002. № 2; *Тимофеев Л.И., Поспелов Г.Н.* Устные мемуары. М., 2003 (по именному указ.); *Громова Н.* Узел: Поэты: дружбы и разрывы: Из лит. быта конца 20-х — 30-х годов. М., 2006 (по именному указ.); *Шенталинский В.* «Авербаховщина» // Шенталинский В. Преступление без наказания. М., 2007; История русской литературной критики: сов. и постсов. эпохи. М., 2011 (по именному указ.).

О.В. Никандрова

АВЕРИНЦЕВ Сергей Сергеевич [10.12.1937, Москва — 21.02.2004, Вена, Австрия], филолог, культурфилософ, историк древних лит-р, европ. культуры, переводчик и поэт. Д-р филол. наук. Акад. РАН.

Родился в семье интеллигента старой формации, профессора биологии С.В. Аверинцева. Отрочество было наполнено общением с людьми старшего поколения — друзьями отца. Все это поставило А. в «не совсем обычные отношения к историческому времени. Прошлое столетие было не отрезанным ломтем» (Филология — наука и историческая память // Монологи и диалоги: По страницам ж-ла «Вопр. лит-ры». М., 1988). Благоприятная семейная атмосфера, в к-рой протекали ранние годы А., во многом компенсировала — насколько это возможно в Москве 1940–1950-х — общую социально-психологическую аномалию сов. бытия и образования, сохраняя традиции «школы» дореволюционных времен. К 14 годам была выбрана намеренно «старомодная» профессия — классическая филология, изучение древних языков и антич. лит-ры. «Отцовское» как «изначально данный образ „правильности“... строгое, с чем приходится считаться, и одновременно домашнее, „свое“, опора и защита» (Там же), формировало не только «практическое жизнеотношение», но и творческую позицию, сознательно не отделяемую от жизненных принципов. Ценность и неупражняемость «отцовского» наследия означали, что дело культуры живет лишь в неразрывной преемственности достижений духа — взгляд, давший о себе знать у А. в конкретном выборе предмета исследования и в подходе к нему, начиная с курсовых работ на филол. фак. МГУ, классическое отд-ние к-рого А. окончил в 1961. В 1966–1969 работал в ГИИИ, где в 1968 защитил канд. дис. по теме «Плутарх и античная биография: К вопросу о месте классика жанра в истории жанра»; выбор проблемы был определен не в последнюю очередь по избирательному средству: древнегреч. жизнеописатель — это именно образцовый носитель сыновней признательности и памяти, культивирующей в себе единство жизненного поведения и писательства (своей работе А. предпослал «почтительнейшее посвящение» матери Наталии Васильевне). Общность между древним и совр. автором не выходит за пределы той, какая существует между идеалом эллинистического гуманизма с платоническим мировым умом в виде высш. инстанции и христианским мироучевствием с Богочеловеком в центре Вселенной. Последнее будет глубоко определять филол. и культурфилос. мысль А. Готовность к деятельности в этом русле так же, как к противостанию внешним факторам, рекрутирует А., еще аспиранта, в одного из авторов и соратников «Философской энциклопедии» — ее IV (1967) и особенно V (1970) томов (около 50 статей), среди них: «Новый Завет», «Обращение», «Откровение», «Предопределение», «Протестантизм», «София», «Спасение», «Теизм», «Теократия», «Теология», «Христианство», «Эсхатология», а также «Шпенглер», «Юнг», «Ясперс» и др., выход к-рых на рубеже

1960–1970-х не мог не быть событием, а в глазах блюстителей официальной идеологии — событием скандальным.

Условно можно выделить три тематических направления, по к-рым шла работа А. после аспирантуры. Во-первых, строившиеся вокруг подготовки дис. занятия позднеантич. лит-рой, к-рые направляются в русло систематического сопоставления греч. и библейского подхода к осмыслению жизни и словесному искусству (начиная с обширной статьи «Греческая „литература“ и ближневосточная „словесность“», 1971). Во-вторых, занятия европ. философией, инициированные редактированием перевода в изд-ве «Мысль» «Философии искусства» Ф. Шеллинга и упомянутым сотрудничеством с «Философской энциклопедией» (остающимся до конца дней существенным для А.). В 1966, поступив в ГИИИ, А. готовит совм. с А.В. Михайловым двухтомную антологию текстов из истории западной философии искусства. Тексты были опубликованы в ИНИОН (сб. «Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в.», 1979, а в дополненном и исправленном виде в сб. «Самосознание европейской культуры» [М.; СПб., 2000; 2016]). А. публикует статьи о О. Шпенглере, Ж. Маритене и К.Г. Юнге в ж-лах «Вопр. лит-ры» (соотв.: 1968. № 1, № 10; 1970. № 3), о Й. Хейзинге в «Вопр. философии» (1969. № 3) и в своем зарубежном сб. «Религия и литература» (Анн-Арбор (Мичиган), 1981). Наконец, третье направление — занятия средневековой и особенно византийской (более всего относящейся к ранней, святоотеческой поре) культурой становятся все интенсивнее со второй половины 1960-х (главы для коллективной моногр. «История Византии», 1967, переводы в кн. «Памятники византийской литературы IX–XIV». М., 1968–1969; «Памятники средневековой латинской литературы X–XII». М., 1972); они отразятся прежде всего в кн. «Поэтика ранневизантийской литературы» (1977) (переводилась на сербохорват. и итальян. языки, была защищена в качестве докторской дис.), а также — в многочисленных статьях.

В 1969–1971 А. был приглашен по инициативе В.Н. Лазарева читать курс лекций по византийской эстетике на ист. фак. МГУ, проходивших при невероятном стечении публики и ставших не только культурным, но подлинно общественным событием тех лет (вызывающих реминисценцию соловьевских «Чтений о Богочеловечестве»). Не в ущерб заявленной теме лектор совершал на унив. кафедре дело христианского просвещения, эстетически увлекая при этом аудиторию манерой подачи материала и поразая широтой познаний. Чтения — по требованию партийных инстанций, обозвавших их «радениями», — были прекращены как «религиозная пропаганда». Условия, в к-рых велась работа над христианской тематикой, объясняют порой неожиданные заглавия:

статья о Софии, Премудрости Божией — первый, ранний опыт А. в изучении христианской символики, была напечатана лишь через 8 лет после написания под нарочито наукообразным названием «К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской» (1972).

Помимо этих занятий А. продолжает трудиться над худож. переводами, из новых языков — в основном с нем. (Ф. Гельдерлин, Г. Гессе, Г. Трактль, Р.М. Рильке и др.).

На этом же этапе он развивает самостоятельную культурфилософию. В противовес шпенглеризму и позитивистским схемам по фрагментации культурной истории человечества А., следуя заветам Вл. Соловьева, защищает ее единство, гарантированное фундаментальными человеческими ценностями. В рус. традициях «всечеловеческой отзывчивости» доказательства собираются на индуктивных путях герменевтики; А. приближает нас к «причудливому и пестрому» ближневосточному миру дальних веков (см. «Судьбы европейской традиции в эпоху перехода от античности к средневековью», 1976) или понуждает нас вжиться в образ скромного византийского писца — и уже этим опровергает постулат Шпенглера о непроницаемости культурных эпох. Естественна особая пристальность А. к переломным моментам, опасным для постоянных величин в культуре, а отсюда — и к поэтике «сдвинутого слова» как ответу на общественный сдвиг, результату «взаимопроникновения» культур в момент столкновения (см. «На перекрестке литературных традиций», 1973). Автор открывает типологические отношения между конечной и начальной стадией каждой культуры и видит в «переломе» ее течения не столько «итог», сколько «восход», зависящий, однако, от участия и готовности современников.

Углубление в мир византийской культуры происходит под сводами ИМЛИ, где А. работал в секторе антич. лит-ры с 1969 по 1992, а с 1981 по 1992 возглавлял сектор. В эти годы им осуществлен поэтический перевод Книги Иова (опубликован в кн. «Поэзия и проза Древнего Востока», 1973 [серия «Б-ка всемирной лит-ры»]) и одновременно выполнены долгое время оставшиеся неопубликованными переводы ряда псалмов, ставшие началом параллельно идущих семитологических штудий, распространявшихся и на сирийскую лит-ру. В то же время статьей о Вяч. Иванове (1975) был открыт новый цикл работ А. — о рус. поэзии (о В.А. Жуковском, в основном о Вяч. Иванове и О.Э. Мандельштаме), а также о западноевроп. поэтах.

Откликаясь на общественные перемены, начавшиеся во второй половине 1980-х и принесшие ему в 1987 звание члена-корр. АН СССР, а в 1990 — Гос. премию, А. на какое-то время включается в новую для него общественную деятельность; после некоторых колебаний он соглашает-

ся на выдвижение его кандидатуры на Съезд народных депутатов СССР в 1989; исполняя депутатские обязанности до роспуска депутатского корпуса в конце 1991, А. занимался главным образом разработкой закона о свободе совести. Этот опыт побудил его к размышлениям над соотношением, с одной стороны, религиозных, филос. и творческих исканий «высшего блага» и, с другой — политики как поисков пути «наименьшего зла». Делая безоговорочный выбор в пользу политической демократии, в частности, именно в силу ее откровенно секулярного характера, противостоящего тоталитарным подделкам под теократию, он в то же время, расходясь с прогрессистским большинством интеллигенции, отказывается видеть в либерализме абсолютный принцип и настаивает на различении социально-политической демократии и паразитирующей на ее достоинствах идеологии ценностного релятивизма. Страстная «ангажированность» А. в противостоянии всем видам ксенофобии мотивирована не только и не столько расхожей идеологией «политической корректности», за к-рой стоит представление, что все народы, в сущности, одинаковы, — сколько стремлением всякий раз пережить именно инаковость «другого» как позитивную ценность, тайну, возможность встретить в «другом» ответ Богочеловеческой личности. Критикуя современное «неославянофильство» как «этно-географический» провинциализм, он оценивает неозападничество как русофобию, видя в нем провинциализм «хронологический», а в его ответвлении, самоуничтожительной русофобии, еще более провинциальное явление.

Новые рос. условия вывели в свет ряд старых работ А. (перевод псалмов и христианской поэзии от Ефрема Сирина и Бонавентуры до Г. фон Ле Форт, статьи по истолкованию текстов Ветхого и Нового Заветов), а также побудили к написанию новых работ на христианские темы — от принципиальных вопросов библейской экзегетики (в к-рых А. по многим пунктам противостоит живучей концепции Р.К. Бульмана с его идеей «демифологизации» веры) до откликов на совр. положение и судьбы христианства в России и Европе. В то же время А. продолжает систематизацию своих теоретико-лит. концепций, строящихся вокруг понятия риторики как «дедуктивного» и «рефлексивно-традиционалистского» способа обобщения действительности. Разрастается поле исследований по истории отечественной культуры, стимулируемых выступлениями в университетах Женевы, Рима, Вены. С дек. 1991 — зав. Отд-нием Ин-та истории мировой культуры при МГУ; вел также преподавательскую работу на филос. фак. В 1990-е тесно сотрудничал с РГГУ, в частности, с Ин-том высш. гуманитарных исследований и по линии Мандельштамовского общества. С дек. 1994 работу в Москве А. совмещал с профессурой

в Ин-те славистики Венского ун-та. С нач. 1990-х А. становится лауреатом многих научных и лит. премий и членом междунар. академий; с мая 2003 — действительный член РАН.

Хотя почти все занятия А. в зрелый период его деятельности — для к-рой характерна локализация на границах различных дисциплин: филологии, теории лит-ры, общей истории и теории культуры, филос. антропологии и герменевтики, истории религии, богословской экзегетики, — прямо или опосредованно соотносены с темой христианства, сам он не называет себя «богословом» (или «теологом»). Собственная позиция А. в вопросе «христианского мировоззрения» определялась противостоянием как релятивизму, так и фундаментализму. Он не устраивал одних — как либерал и модернист, других, напротив, — как рафинированный обскурант, не желающий понять запросов времени (оставаться в меньшинстве и вызывать нарекания — неизбежный удел христианского просветителя в совр. эпоху).

В качестве поэта А. всю жизнь занимается стихотворством, но, как говорится, «для себя»; и только в 1980-е он начал писать «духовные стихи», предполагающие аудиторию. Ввиду религиозного характера «духовных стихов» они могли появляться в печати лишь с конца 1980-х. Чаще всего это тонические стихи без рифм, держащиеся на угловатом, резко подчеркнутом ритме. Сам автор поясняет: «Стихи „духовные“ — не совсем то же самое, что стихи „религиозные“». Понятие «духовных стихов» предполагает определенную степень «внутренней анонимности», дистанции от биогр. субъекта. Пытаясь ориентироваться на пример рус. и европ. фольклора (что подразумевается самим термином «*духовный стих*»), А., за немногими исключениями, избегает прямой фольклорной стилизации в лексике и метре, но дает понять о своей зависимости от библейской поэзии (пропавшей его в процессе перевода текстов из Библии); из новых авторов А. испытал воздействие позднего В.А. Жуковского, его пятистопных ямбов (особенно в поэме «Благовещание»), отчасти Вяч. Иванова и М.И. Цветаевой (нагнетание повторов слова или корня), а также англ. мистических поэтов вплоть до Ч. Уильямса; небольшой цикл озаглавлен самим автором «Подражание Клоделю».

А. посвятил себя профессии, задачу к-рой он описал впоследствии как выяснение через «языковый и стилистический анализ письменных текстов» сущности духовной культуры человечества («Филология», 1972) — профессии, требующей контрастирующих усилий: скромнейшей службы «при тексте», пристальной «согбенности» над ним, а с другой стороны, — универсальности, ибо филолог (в особенности филолог-классик) должен «совмещать в себе лингвиста, литературного критика, историка гражданских учреждений, быта, нравов

и культуры и знатока других гуманитарных, а при случае даже естественных наук» (Там же). Анализ худож. текста, обширнейшего поля приложения филол. усилий, есть область как такового лит.-ведения, к-рое у А. приводит в то же время к открытиям в философии культуры. Обеспокоенный состоянием филол. науки в новейшее время («Филология как содержательная целостность претерпевает реальный кризис», 1972), А. формулирует принципы, отвечающие ее сути, к-рая предполагает не столько четкость своих очертаний, сколько специфический подход к своему предмету. Это, во-первых, безусловная значимость традиций и нетленных образцов; совр. человек не может с прежней непосредственностью применить к своему бытию меру, заданную текстами, он может «любоваться» ими, но не может войти «вовнутрь» их. Во-вторых, необходимость избегать методологии так называемых точных наук, «формализации» гуманитарных знаний, ведущей к утрате здравого смысла и житейской мудрости и закрывающей доступ к смыслу высказываемого. В-третьих, соответствовать филол. «службе понимания», ориентированной на целостность текста и тем самым — на «человеческие пропорции»; сопротивляться методике проникновения в сферы «микроструктур» (построение глобальных схем) и — «микроструктур» (выделение элементарнейших единиц значений и смысла). Задача филологии: через текст «понять другого человека, не превращая его ни в поддающуюся „исчислению“ вещь, ни в отражение собственных эмоций» (Там же).

Главное направление исследований А. — это изучение лит. процесса и шире — лит. самосознания — в масштабе человеческой цивилизации от античности до новейших времен с акцентом на переломных этапах культурной истории, опасных для ее постоянных величин. Автор стремится понять и показать, как в схватке противоборствующих потоков сохраняется и утверждается константа мировой культурной истории, как в ответ на общественный сдвиг через поэтику «сдвинутого слова» происходит взаимопроникновение культур и обеспечивается культурная преемственность. А. детально прослеживает логику образования сложного, подвижного единства ранневизантийской лит.-ры через переосмысление тысячелетних форм греко-римской культуры. Исходя из перемен в поэтической словесности, А. открывает типологическое соотношение между конечной и начальной стадиями каждой культуры. В переходном, самопротиворечивом состоянии поэтических текстов раннего Средневековья автор ищет «не столько отрабатанную за века гармонию инерции, сколько плодотворную дисгармонию сдвига» («Поэтика ранневизантийской литературы»). Поскольку лит. слово соотносится с системой представлений человека о самом себе и о своем месте во вселенной, лит.-вед.

изучающий момент «перекрестка», имеет дело к тому же с двойственным самоощущением тогдашнего современника, живущего, с одной стороны, с чувством канона и «церемониальности», с другой — с обязательными христианскими открытиями «таких глубин внутри человека, о которых античная классика и не подозревала» (Там же). Прослеживая последствия ист. и антропологических перемен «до самых частностей жанровой формы и сцепления слов» (Там же), автор предпринимает первый опыт наблюдения над рождением нового единства в процессе переплавки противоборствующих принципов худож. словесности.

А. исследует неизвестный античности с ее статуарно-замкнутым и массивно-целостным образом человека надрыв индивида, скорбящего о своем помраченном образе, — тему византийской религиозной лирики. В очерке «Роскошь узора и глубины сердца: Поэзия Григора Нарекаци» (1986) А. описывает систему представительных для средневековой лит.-ры поэтических средств в «Книге скорбных песнопений» этого великого армянского поэта и ученого монаха второй половины X — нач. XI в., — книге, к-рая, подобно библейскому тексту, вызывает у целого народа веру в ее чудотворную силу. Внушающее воздействие текста, проникнутого жалостью и милостью, достигается, как показывает исследователь, через патетическое нанизывание синонимов, создающих эмоционально-суггестивный натиск и развертывающихся, «как тонкая ткань», струящихся, «как река» («Поэты», 1996), что позволяет «все глубже и глубже уходить вовнутрь предмета, вплоть до уровня, на котором слова уже больше не существуют» (Там же). Подобный прием — и у грекоязычного автора V в. Псевдо-Дионисия Ареопагита, изливающего потоки синонимов и параллельных метафор, чтобы показать, что описываемое несказуемо. Таков же средневековый поэт «сдвинутого слова» — «косвенного обозначения, намек и загадки» («Поэтика ранневизантийской литературы»), аллегорий и иносказаний — Нонн Панополитанский, у к-рого, как и у Ареопагита, оспаривающие друг друга метафоры или слова, усиливающие и вытесняющие друг друга, посредством гипнотизирующих повторов тавтологий и прочих раздражителей, также «навязывают воображению» некую невозможность состояния (знаменитый оксюморон Нонна — «горожанин пустынной скалы») или Божественного «предмета» (Псевдо-Дионисий). Весь Ближний Восток, включая Египет, исповедовал культ письменного труда, чуждый греч. культуре, для к-рой одна только «согбенная поза писца», и вообще «канцелярщина», неприемлема и несовместима со «свободной осанкой и оживленной жестикуляцией оратора» — пластическим символом Древней Греции (Там же); тем более несовместима с ней иудейская мистическая талмудическая лит.-ра, доводившая

культивирование книги до утверждения сакральности каждой буквы (ср. трактат «Буквы рабби Акибы»). Христианская поэтика несказанного, опирающаяся на авторитет одной Книги — Священного Писания — контрастирует как с древнегреч. — ее ясным, «вольноголовым языком» «свободного гражданина свободного эллинского полиса» (Там же), так и с древнееврейской («Притчи Соломоновы»), для к-рой характерна «неразмежевенность житейской прозы и высокого восторга мысли» (Там же).

Плодотворность принципов филол. науки, утверждаемых А., торжествует и в галерее очерков о поэтах от Вергилия до известных фигур Серебряного века, очерков, к-рые составили сб. «Поэты». В него вошло: три автора от эпохи античности и раннего Средневековья — Вергилий, Ефрем Сирий, Григор Нарекаци; четыре автора от отечественной поэзии — Г.Р. Державин, В.А. Жуковский, Вяч. Иванов и О.Э. Мандельштам; от западноевроп. — К. Брентано, Г.К. Честертон, Г. Гессе. Преимущественно же исследователь останавливался на именах, входящих в границы темы: «Русская литература во всевропейском контексте: созвучия и контрасты» (одноименный раздел кн. «Связь времен», 2005). А. предвещает читателю о руководящем для него принципе «портретности», служащей заглавным «мазком» для лепки образа, и подчеркивает антагонизм своего подхода к попул. «биограф. методу», выводящему творчество целиком из обстоятельств жизни и игнорирующему его внутрисюжетическую детерминацию.

Ключевое понятие А. — «судьба поэта», к-рая складывается не из жизненной канвы, не из истории создания его произведений, а выявляется в процессе жизни поэта в виде гармонического созвучия. Другое ключевое понятие — «весть», к-рую несет с собой поэт и к-рая связана с «жертвой» — еще один «экзистенциал» автора. И у каждого поэта он находит свою, а иногда и общую с другой «весть», вырывающуюся наружу через свою систему поэтических средств. (Автор отступает от этой позиции, пожалуй, только в отклике на блоковскую поэму «Двенадцать», в к-рой поэт, по А., выступает уже не посланником «вести», а скорее имперсональным медиумом («Финал „Двенадцати“ — взгляд из 2000 года», 2000) Самый «нормативный» поэт, чьи стихи он называет «записной тетрадью человечества», Вергилий, несет нам весть о нестерпимости отеческой и сыновней любви, о благородном, жертвенном мироощущении юношества. Классическая Греция знала пластический облик юности, но ее неповторимую душевную атмосферу чистоты, красоты и поэзии, ее мечту о героической дружбе и героической смерти — эту «весть» принес Вергилий. Он скорбит за всех, как и впоследствии христианский аскет Григор Нарекаци с его исповедальной скорбью об утраченном человеком перво-

родстве, переливающейся в сетования о грешном человечестве и призывы к покаянию, — поэтически вдохновенные переживания Благой вести.

В обширном обзоре поэзии Мандельштама А. отмечает следующие черты. Бегство от утробного «хаоса» иудейства с его «талмудическими дебрями», отгораживающими от мировой культуры, по к-рой тоскует душа поэта, приводит к избытию в его ранних стихах отрицательных эпитетов. Но на них, как на фундаменте, обособляется некое «да». Тому же служит и нарочито бедная рифма, отсутствие многозначности, «яркого колера», слов, «бросающихся в глаза», что создает впечатление простоты и прозрачности стихосложения: чтобы ничто не застилало иного, важнейшего. В компаративистской статье «Пастернак и Мандельштам» (1992) А. подчеркивает противоположность их поэтик, исходя из разности представлений о пути познания Божественного: пути апофатического, через отрешение от вещей — у Мандельштама, и катафатического, движения от совокупности вещей к Богу. Как акмеист — оппонент символизма, протестуя против инфляции сакральных и «высоких» слов, Мандельштам стремится передать вещность вещи, причем не столько зрительно, сколько на ощупь, очищая субстанцию от случайных акциденций; у Пастернака, напротив, случайные признаки уравниваются с сущностными, быт и бытие совмещаются. Если Мандельштам в конце пути сказал о себе: «Всех живущих прижизненный друг», выделяя человеческие личности в некое «общничество» на фоне «ненавистой пустоты» остального сущего, то для Пастернака в «общничество» входит все сущее, отменяя иерархии. Стих Пастернака — «поток, управляемый законами динамики»; движение возрастает к концу каждой строки, оканчивающейся «звучным разрядом» в рифме («Пастернак и Мандельштам: Опыт сопоставления», 1990). Поэтика позднего Мандельштама усложняется и обогащается на пути «семантики наложения», где на равных правах вариантов сосуществуют беловики и черновики, образуя поле противоречий — движущих сил его стихов, в к-рых ясный смысл перемежается с эксцессами «темноты». Главное идейное противоречие у него — спор между личностью бунтующего поэта и волей жить и гибнуть «гурьбой и гуртом», не отделяя своей судьбы от судьбы миллионов безмянных, «убитых задешев», — тема, неизвестная всей прежней поэзии.

Другой избранник А. — антагонист Мандельштама из лагеря символистов Вяч. Иванов, «скворешниц вольных граждан», чья муза, не замкнутая на России, близка А. и как «средиземноморскому почвеннику», и по традиционалистским взглядам на культуру, единую и преемственную по своему существу; современность же значима для Иванова лишь «вну-

три» цепи веков и тысячелетий, а «родное» не означает «целого», — только «вселенское». «Как есть одна Истина и одна Красота, так и культура в существенном и последнем смысле этого слова, — культура, как духовное самоопределение и самораскрытие человека, — выражение вселенского единства и дело вселенского единения...» (Письмо Иванова А.Г. Годяеву от 7 дек. 1935; цит. по: Аверинцев С.С. «Скворешниц вольных граждан...». СПб., 2001).

Общесимволистская «беспочвенная запердельность», отмечает А. (но не «безмерность», как у Цветаевой), выражает себя в поэзии Иванова «предельно точными» словами. Если сквозной образ у А.А. Блока — метель, а у Б.Л. Пастернака — снежные хлопья или ливень, где все контуры как вещей, так и слов размыты, то слова у Иванова — как четко отграниченные, полновесные кристаллы смысла, уяснение к-рого читателем требует прерывистого стихотворного ритма и остановок; отсюда — «тяжеловесная неспешность» стиха, его «густота». А. анализирует систему специфических приемов поэтики Иванова: это — «сверхсхемные ударения», пропуски метрических акцентов, преобладание односложных слов, умышленная угловатость от перегруженности смыслом, загадывание загадок читателю и т.д. «Содержания иногда слишком много, оно дает форму», — отзывался о стихах молодого поэта благожелательный в то время к нему Соловьев (цит. по: Аверинцев С.С. «Скворешниц вольных граждан...»). Главная стратегия поэта, находящего в глубине культуры ее подлинность, — это попытка, обращаясь к старине, говорить на «языке вне времени», посредством симбиоза «торжественно-архаических» слов, славянизмов вперемежку с вновь сочиненными. Иванов отходит от лит., «эмпирического» языка, двигаясь в сторону «умопостижимого», метафизического. В некоторых его стихах А. улавливает отзвук то метафизической поэзии Ф.И. Тютчева, то «рассудительно-замечтавшуюся интонацию Жуковского» (Там же).

Аналитик обнажает резкий контраст мироощущений, господствующих в отечественной поэзии, с одной стороны, предреволюционной эпохи Серебряного века, с другой — старых, докатастрофических времен, несущих «весть» о прекращении прообразе и образе мира. В стихах Державина царит душевная бодрость, ликующая «ясность света», «кристальная прозрачность воздуха» («Поэзия Державина» [в кн. «Поэты»]). Непроглядный мрак ночи или непогоды только оттеняют и усиливают торжество утренней ясности, «нормативной» для его ландшафта. Черты поэзии Державина — живописность и движение, выражающие себя яркими свето-цветовыми эпитетами; в ней нет ничего блеклого и унылого.

Однако А. особо предупреждает, что в этом приятии мира, в «поэзии довольства и уютного домашнего

быта» у Державина нет того элементарного «упоения жизнью, какое можно назвать стихийным» (а можно «животным»), а есть истовая нравственная благодарность бытию, что «сближает его творчество с музыкой старинных мастеров — Баха и Генделя, Моцарта и Гайдна...» (Там же). При «непоправимо барском» облике поэта, воспитанника екатеринских времен, он питал «подлинную любовь к облику» и обычаям рус. крестьянина и оказывался «беспокойным правдолюбом», защитником истины и права, говоря языком поэзии «о продажности судов и несправедности власти» не менее сильно, чем об утреннем блеске (Там же), чем не раз навлекал на себя недовольство императрицы. Державин выступил новатором в риторике, служившей дотоле высш., торжественным предметам; мощь своего красноречия поэт направлял равно на «высокие» и «низкие» вещи, не подразделяя их на ранги.

Жуковский интересовал А. как великий коллега-переводчик, через отношение к переводам к-рого он выступил также и как теоретик перевода, выявив 3 типа восприятия подлинника, олицетворяемые Н.И. Гнедичем, Б.Л. Пастернаком и В.А. Жуковским. Первый видит в оригинале безусловный предмет служения; второй в иноязычной поэзии видит источник вдохновения, подобный явлению природы, и чем ярче источник энергии, «тем лучше»; наконец, третий — рассматривает подлинник как некую неосуществленность, недовершенность, предполагающую реализацию скрытых потенций в процессе перевода. Парадоксальная ситуация: чем недосказаннее оригинал, тем увлекательнее он для такого переводчика, при этом Жуковский уникален своей способностью добывать себе простор, «не тесня чужого»; тут автор припоминает лит. практику Brentano, вообще смешивающего «свое» с «чужим». А. показывает Жуковского «в деле», анализируя то, как он использует эти скрываемые в оригинале возможности — и смысловые, и стилистические — на конкретных примерах, будь то образцы «неоспоримо совершенные», как «Одиссея», или далекие от совершенства. Бывает, что автор оригинала оказывается лишь автором замысла, сбывающегося только под пером Жуковского. Таков знаменитый в рус. изводе «Ночной дозор» И.-Х. фон Педлица: в нем. оригинале это «растянутые шестьдесят строк маловыразительного дольника», смысл к-рых Жуковский передает в скупых, но увлекательных словах. Или, напр., хорошо известная рус. читателю романтическая повесть в стихах Ф. де Ла Мотта Фуке «Ундина», слишком жесткий, к тому же манерный и мало энергичный стиль к-рой Жуковский переработал в поразительно «гибкие, интонационно подвижные, свободно льющиеся гекзаметры, и на сей раз выявляя нереализованные смысловые потенции» («Размышления над переводами

Жуковского» (Там же)). Или еще пример: «рядовая» среди стихотворений Шиллера баллада «Рыцарь Тогенбург» в переводе Жуковского превратилась в значительное произведение рус. культуры, «предназначенное трогать и потрясать», в картину сугубо личного опыта человека. Жуковский придал новый, романтический облик эпосу Гомера, обогатив его неизвестными поэтике подлинника «изысканными двусоставными эпитетами» — «звонко-просторные сени», «пустынно-соленое море» и тому подобное (Там же). Еще один парадокс: личность романтического переводчика настолько ощущает исключительность «своего», что способен воспринять и сделать особой поэтической темой «чужое» — своеобразие чужого голоса, иноприродного ландшафта и т.д.

Другой пример сопоставления рус. лит. слова с европ. — это сравнение худож. форм двух нац. баснописцев: И.А. Крылова и Ж. де Лафонтена, перелатателем к-рого был Крылов («Лафонтеновская парадигма и русский спор о басне» (Там же)) — двух антиподов в пределах, казалось бы, одного жанра. «Рационалистической прозрачности аллегории» у Лафонтена противостоит чувственное изображение животных, «передразнивание» их, экспрессивная звуковая имитация их речи; умственной игре с маскарадными переодеваниями — «иррационально-сентиментальная» непосредственность сцены, но всегда с соблюдением ритмико-метрической формы басенного подлинника. С лаконичностью Лафонтена контрастирует пространная картинность у Крылова, создавшего жанр некоей анти-басни с неповторимым живым лит.-народным языком, вытеснившей, по сути, аутентичные басенные тексты из рус. лит-ры.

Действуя в этом же русле включения рус. классики в европ. контекст, А. проводит аналогию между артистизмом А.С. Пушкина и Горация, с безукоризненным худож. тактом смешивающих серьезное (оракульское) с легким, игривым, и разводит его со стилем избыточно речистых Достоевского и Цветаевой. Задумываясь над проблемой домысливания неоконченных пушкинских сюжетов, исследователь считает это дело неоправданным, поскольку поэт говорит все, что считает нужным, а чего не сказано, предостерегает А., того и не нужно домогаться: «Пушкин сам сделает далекое близким» («Пушкин — другой...», 1999). Сопоставляя Пушкина с поэтической вершиной новейшей европ. лит-ры, И. Гете, А. открывает черты их глубинной мировоззренческой общности как творцов классической эпохи: у обоих решительная несовместимость с вольтерьянством как негативистской риторикой в отношении ко всему сущему; у обоих характерное для эпохи восприятие свободы, сопряженной с идеей странствия. И Гете, и Пушкин — одни из последних миган, кто, остро ощущая напряженность между «традиционной культур-

ной исключительностью и грядущим плюрализмом культур» («Гете и Пушкин», 1999), несет в себе универсальное чувство «всечеловечества». Осознавая разнообразие цивилизаций, оба они верят в нерасчленимое единство человеческого рода, в неизменную ценностную иерархию, что, как предупреждает А., вскоре уйдет навсегда. В качестве представителей «классической классики» оба гения равно несут в своем творчестве особую гармонию между формой и содержанием, между фонетической «оркестровкой» и изображаемым предметом. У обоих А. находит парадоксальную гармонию контрапункта, облеченного в «музыкально-упорядоченные строфические формы» (Там же). Вместе с двумя великими поэтами, заключает исследователь, завершается грандиозный цикл мировой лит-ры, начатый «греческими софистами и риториками», но, завершаясь, «он в последний раз жив для них и в них» (Там же).

Издания. Собр. соч. [Т. 1]. Переводы: Евангелия. Книга Иова. Псалмы. Киев, 2004; [Т. 2]. Переводы. Многоцветная жемчужина. Киев, 2004; [Т. 3]. Связь времен. Киев, 2005; [Т. 4]. София — Логос: Словарь. Киев, 2006; Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М., 1973; Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977; Религия и литература: [Сб. ст.]. Ann Arbor, 1981; Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М., 1986. — В соавт. с М.Л. Гаспаровым; Попытки объясниться: Беседы о культуре. М., 1988; Поэты. М., 1996; Риторика и истоки европейской литературной традиции: [Сб. ст.]. М., 1996; «Скворещица вольных граждан...»: Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001; Образ Античности: Сб. ст., посвящ. лит. античности. СПб., 2004; Другой Рим: Избр. ст. СПб., 2005; Cose attuale, cose eterne: La Russia d'oggi e la cultura Europea. Milano, 1989; Atene e Gerusalemme. Contrapposizione e incontro di due principi creativi. Roma, 1994; Римские речи. Слово Божие и слово человеческое = Discorsi romani. Verbo di Dio e parola dell'uomo: Сб. [На рус. и итал. языках] М. [и др.], 2013.

Статьи. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971; Филология // КЛЭ. Т. 7. М., 1972; На перекрестке литературных традиций // Вопр. лит-ры. 1973. № 2; Славянское слово и традиции эллинизма // Там же. 1976. № 11; Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии. М., 1979; Образ античности в западноевропейской культуре XX в. // Там же; Риторика как подход к обобщению действительности // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981; Между «изъяснением» и «прикровением»: Ситуация образа в поэзии Ефрема Сирина // Во-

сточная поэтика: Специфика худож. образа. М., 1983; Филология — наука и историческая память [Интервью] // Вопр. лит-ры. 1984. № 7; Византия и Русь: Два типа духовности. Ст. первая: Наследие священной державы // Новый мир. 1988. № 7; Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова // Контекст. М., 1989; Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М., 1992; Будущее христианства в Европе // Новая Европа. 1993. № 4; Специфика лирической героини в поэзии Анны Ахматовой: Солидарность и двойничество // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1995. Bd. 41; Rationalisme attique et rationalisme encyclopedique: Essai sur l'enchaînement des époques // Diogenes. 1985. № 130.

Письма, дневники, мемуары. Библихин В.В. Сергей Сергеевич Аверинцев // Библихин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2004; Гальцева Р.А. Несколько страниц телефонных разговоров с С.С. Аверинцевым // Знамя. 2006. № 10; Гаспаров М.Л. Из разговоров Аверинцева // Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2008; Письмо С.С. Аверинцева П.М. Нерлеру от 7 июля 1992 г. // Аверинцев и Мандельштам: Ст. и матер. М., 2011; Из переписки с С.Н. Есениным // Там же.

Библиография, архивы. Сергей Сергеевич Аверинцев. 1937–2004. М., 2005 (Матер. к биобиблиогр. ученых. Лит-ра и яз. Вып. 29); личный архив Н.П. Аверинцевой.

Литература. КЛЭ. Т. 9. М., 1978; Любарский Я. Византийская литература в кратком изложении // Вопр. лит-ры. 1968. № 10; Лотман Ю.М. О «воскреснувшей эллинской речи» // Там же. 1977. № 4; Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. К портрету восходящей культуры // Новый мир. 1978. № 12; Лихачев Д.С. Прошлое — будущему: Ст. и очерки. Л., 1985; Архангельский А.Н. Человек читающий // Сегодня. 1996. 24 июля; Роднянская И.Б. «Говоря ненаучно...» // Новый мир. 1997. № 9; Кантор В. «Перед лицом русской истории XX столетия» (Сергей Аверинцев и Вячеслав Иванов) // Вопр. лит-ры. 2003. № 4; Померанц Г.С. Последний из Серебряного века [Памяти С.С. Аверинцева] // Москов. новости. 2004. № 7; In memoriam. Сергей Аверинцев. [Сб. ст. Р.А. Гальцевой, С.Г. Бочарова, Г.С. Кнабе и др.] М., 2004; Седакова О.А. Памяти Сергея Сергеевича Аверинцева // Наше наследие. 2004. № 69; Гаспаров М.Л. Памяти Сергея Аверинцева // Новый Мир. 2004. № 6; Филология в лицах. Сергей Сергеевич Аверинцев [Ст. В. Зусмана, З. Кириозе, С. Бочарова и др.] // Вопр. лит-ры. 2004. № 6; Личность и традиция: Аверинцевские чтения. Киев, 2005; Махлин В.Л. Возраст речи: Подступы к явлению Аверинцева // Вопр. лит-ры. 2006. № 3; Марков А. С.С. Аверинцев о символе и современности: К 70-летию со дня рождения (10.12.1937–21.02.2004) // <http://www.russ.ru/pole/>; Аверинцевские чтения. М., 2008; Седакова О.А.

Сергей Сергеевич Аверинцев: Апология рационального // Континент. 2008. № 135; Гальцева Р.А. Высший дар; Местоблюститель Владимира Соловьева // Гальцева Р.А. Знаки эпохи: Филос. полемика. М., 2008; Аверинцев и Мандельштам: Ст. и матер. [Включены воспоминания Н. Брагинской, Л. Жукова, О. Лекманова и др.]. М., 2011.

Р.А. Гальцева

АДАМОВИЧ Аเลส (Александр) Михайлович [03.09.1927 [согласно паспортным данным, на самом деле — 03.08.1926: во время войны мать, спасая сына от угона в Германию, в школьном свидетельстве исправила дату его рождения], д. Конюхи Копыльского р-на Минского округа — 26.01.1994, Москва], писатель, историк сов. лит-ры, публицист. Д-р филол. наук. Член-корр. АН БССР. Член СП СССР.

Родился в семье врачей. Во время Великой Отечественной войны в 1943 А. вместе с матерью и братом присоединяется к партизанскому движению (впоследствии воспоминания об этом станут основой его многих худож. произведений). После войны А. окончил филол. фак. Белорус. гос. ун-та (1950), аспирантуру и защитил канд. дис. «Язык романа „Третье поколение“ и индивидуальный литературно-художественный стиль Кузьмы Чорного» (1953). О нем же и первое лит-вед. исследование А. — «Путь к мастерству: Становление худож. стиля К. Чорного» (1958). А. работает преподавателем белорус. лит-ры в своем ун-те, а затем становится научным сотрудником Ин-та лит-ры им. Янки Купалы АН БССР. С 1962 по 1966 он жил в Москве, читал курс истории белорус. лит-ры на филол. фак. МГУ (в 1966 был отстранен от работы за отказ подписать письмо, осуждающее А.Д. Сняжского и Ю.М. Даниэля). А. возвращается на научную работу в Ин-т лит-ры им. Янки Купалы (с 1976 — зав. сектором взаимосвязей лит-р).

В центре внимания А.-лит-веда — вопросы развития белорус. лит-ры, а также ее связь с современностью. В 1964 выходит его моногр. «Становление жанра: Белорус. роман». А. также публикует серии статей о Чорном и М.А. Горечком.

В 1980-е А. стал заниматься изучением военной темы в сов. лит-ре. Об этом его кн. «О современной военной прозе» (1981), «Война и деревня в современной литературе» (1982), «Ничего важнее: Совр. проблемы военной прозы» (1985). Кроме того, А. выпускает два альбома-сборника, посвященных белорус. писателям: И.П. Мележу («Сказ об Иване Мележе», 1984) и В.В. Быкову («Василь Быков», 1986).

Наряду с профессиональной филол. работой А. параллельно активно занимался общественной деятельностью, худож. творчеством, публицистикой. Его перу принадлежат романидиология «Партизаны» (1960–1963),

повести «Последний отпуск» (1969), «Хатынская повесть» (1971, на белорус. языке), «Каратели: Радость ножа, или Жизнеописание гипербореев» (1980), «Последняя пастораль» (1987) и др. С нач. 1970-х А. (вместе с Я. Брылем и В.А. Колесниковым) собирает свидетельства очевидцев военных действий на территории Белоруссии (вошли в кн. «Я из огненной деревни», 1973). С Д.А. Граниным А. создает «Блокадную книгу» (1977; с купюрами) — рассказы очевидцев, переживших блокаду Ленинграда.

В конце 1980-х с наступлением общественно-политических изменений в стране А. стал активным «прорабом перестройки»: был народным депутатом СССР (1989–1991), зам. председателя Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, являлся членом общества «Мемориал», а в 1991 находился среди защитников Белого дома; выступал как публицист: «Отвоевались!» (1990), «Мы — шестидесятники» (1991).

Издания. Собр. соч.: В 4 т. Минск, 1981–1983; Становление жанра: Белорус. роман. М., 1964; Горизонты белорусской прозы. М., 1974; Кузьма Чорный: уроки творчества. М., 1977; Лев Толстой и белорусская литература: (Война и человек). Минск, 1978; О современной военной прозе. М., 1981; Война и деревня в современной литературе. Минск, 1982; Сказ об Иване Мележе. Минск, 1984; Выбери — жизнь! Минск, 1986; Ничего важнее: Совр. проблемы военной прозы. 2-е изд. Минск, 1987; Василь Быков. Минск, 1986; Литература и проблемы века. М., 1986; Додумывать до конца: Лит-ра и тревоги века. М., 1988; Отвоевались! М., 1990; Мы — шестидесятники. М., 1991; Шлях да майстэрства: Станаўленне маст. стылю К. Чорнага. Минск, 1958; Культура творчасці: лит.-крытыч. артыкулы. Мінск, 1959; Здалёк і зблізку. Мінск, 1976; Літаратура, мы і час. Мінск, 1979.

Статьи. Богатство и многообразие: (К проблемам стиля белорус. сов. прозы) // Вопр. лит-ры. 1958. № 6; Путь к большой прозе [О К. Чорном] // Там же. 1971. № 10; «Мы — до Владивостока...»: (Лит-ра в поле сравнительного изучения) // Там же. 1979. № 2.

Письма, дневники, мемуары. Додумывать до конца [Автобиография] // Советские писатели: Автобиографии. Т. 5. М., 1988; Vixi (Я прожил). М., 1994; Из «Зеленой тетради». 1987 год // Вопр. лит-ры. 2001. № 4; Прожито. М., 2001; Из записных книжек // Вопр. лит-ры. 2003. № 3; Мир спасется подвигом духа: Беседа о войне и современности // Там же. 2007. № 4–5.

Библиография, архивы. [Библиография] // Адамович А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Минск, 1983; «Вопросы литературы» за 50 лет: Указ. содержания 1957–2006 (в двух частях). М., 2008 (по именному указ.).

Литература. КЛЭ. Т. 1. М., 1962; Русские писатели, XX век: Биобиблиогр. словарь: В 2 ч. М., 1998. Ч. 1; Русские писатели, XX век: Биограф. словарь. М.,

2009; Карякин Ю. Штрихи к портрету Алены Адамовича: Признать главное — главным // Лит. газ. 1984. 9 мая. № 19; Гранин Д. ...Он не вернулся из боя // Деловой мир. 1994. 21–27 февр.; Лазарев Л. Без страха и упрека: Воспоминания и перечитываем Алена Адамовича // Знамя. 1995. № 6; Михайлова С. Странствующий рыцарь. Памяти Алены Адамовича // Там же; Гранин Д. История создания «Блокадной книги» // Дружба народов. 2002. № 11; Рубашкин А. Правда, увиденная одним человеком // Звезда. 2011. № 9; Рубашкин А. Отвращение пробудить к убийству // Там же. 2012. № 9.

Редакция Словаря

АДАМОВИЧ Георгий Викторович (Сизиф, Ю. Суцев) [07 (19).04.1892, Москва — 21.02.1972, Ницца, Франция], лит. критик, поэт, эссеист, переводчик.

Сын генерала Виктора Михайловича Адамовича. Окончил 1-ю петербург. гимназию. В 1910–1917 учился на ист.-филол. фак. Петербург. ун-та. Участник собраний 1-го «Цеха поэтов» (1914). Начал печататься в 1915. Первая книга стихов «Облака» (1916) получила сочувственные отзывы Н.С. Гумилева, В.Ф. Ходасевича, В.М. Жирмунского. Организатор и руководитель 2-го «Цеха поэтов» (1916–1917), активный участник и главный критик 3-го «Цеха поэтов» (в 1921–1922). Вторая книга стихов, «Чистилище» (1922), была холодно встречена сов. критикой. С 1923 в эмиграции. Лит. обозреватель «Звена» (1923–1928) и газ. «Последние новости» (1928–1940). Печатался в ж-лах «Совр. записки», «Рус. записки» и др. Один из организаторов собраний «Зеленой лампы» (1927–1939). Во многом определял лит. политику молодежного ж-ла «Числа» (1930–1934). Совм. с М.Л. Кантором редактировал ж-л «Встречи» (1934) и составлял первую антологию эмигрантской поэзии «Якорь» (1936). Длительная полемика с Ходасевичем, наиболее бурная в 1927–1937, многими современниками (Ю.П. Иваск, А.Д. Шмеман) признавалась одним из центральных событий лит. жизни эмиграции. Критические статьи и устные выступления А. оказали большое влияние на младшее поколение эмигрантских писателей. Сб. стихов «На Западе» (1939) был высоко оценен З.Н. Гиппиус, П.М. Бицилли. В 1939 доброволец франц. армии. Лит. обозреватель «Рус. новостей» (1945–1949). Преподаватель Манчестерского ун-та (1950–1960). Постоянный сотрудник «Нового рус. слова» (с 1950) и «Рус. мысли» (с 1956). Печатался также в альм. «Опыты», «Мосты», «Воздушные пути» и др. Незадолго до смерти опубликовал свои итоговые книги: сб. стихов «Единство» (1967) и кн. эссе «Комментарии» (1967).

Первые лит.-критические статьи А. появились еще в России, в альм. «Цеха поэтов» и газ. «Жизнь

искусства» в 1921–1922, но настоящую известность и признание он получил уже в эмиграции, где прочно вошел в круг лит. аристократии рус. Парижа. В становлении А.-критика решающую роль сыграло парижское «Звено», лит. приложение к «Последним новостям». В эпоху „Звена“ (1923–1928) молодой и в общем-то ничем не примечательный петербург. поэт, один из многочисленных учеников Гумилева, вырос в «первого критика эмиграции», по определению Г. Иванова («Возрождение». 1950. № 11). Критические статьи А. уже к концу 1924 сложились в еженедельные «Литературные беседы» — главную «изюминку» молодого печ. органа, претендующего на роль арбитра вкуса эмигрантской публики. К 1926, когда «Звено» из газ. превратилось в ж-л, А. был уже хорошо известен в рус. лит. зарубежье. «Литературные беседы», личность и сам образ мыслей А. стали частью той среды, в к-рой зародилась так называемая «парижская нота», тем центром, вокруг к-рого объединились молодые литераторы и к-рый вызвал и продолжает вызывать столько споров. Многие из поклонников А. считали его влияние даже более широким. Напр., В.С. Яновский был убежден, что «без него не было бы парижской школы русской литературы... Его влияние конечно перерастало границы лирики. Новая проза, публицистика, философия, теология — все носило на себе следы благословенной „парижской ноты“» («Новое рус. слово.» 1972. 26 марта). К тому времени, как «Звено» прекратило свое существование летом 1928, А. был уже «шире всех читаемым и самым влиятельным критиком эмиграции» (Вейдле В.В. О тех, кого уже нет // Новый ж-л. Нью-Йорк, 1993. № 192–193). В том же году он был приглашен на должность лит. обозревателя в самую известную газ. рус. зарубежья — милюковские «Последние новости». Еженедельные лит. «подвалы» в «Последних новостях» окончательно укрепили его репутацию ведущего критика. На страницах «Последних новостей» продолжилась и завязавшаяся еще в эпоху «Звена» полемика А. с Ходасевичем. Критик Вейдле, друг Ходасевича, в своих воспоминаниях писал: «Литературную жизнь Русского Зарубежья в лучшие ее, парижские времена со второй четверти двадцатых до конца тридцатых годов, будущий ее историк, если захочет, сможет изобразить, не принимая во внимание тогдашних критических отзывов о ней — даже и Ходасевича, на худой конец, — но не считаясь со статьями Адамовича (сперва в еженедельнике „Звено“, потом в „Последних новостях“) он изобразить ее не сможет» (Вейдле В.В. О тех, кого уже нет // Новое рус. слово. 1976. 18 июля). В спор постепенно была втянута вся эмигрантская пресса. На той или иной стороне выступали или отстаивали свою собственную точку зрения виднейшие критики эмиграции: А.Л. Бем, П.М. Бицилли, М.Л. Слоним,

а за ними литераторы и мыслители от В.В. Набокова до И.С. Лукаша, от В.С. Варшавского до Г.П. Федотова. А едва завершился период, начиная уже с 1942, стали подводить итоги полемики.

После войны авторитет А.-критика был уже непререкаемым. 17 июля 1954 Д.И. Кленовский писал В.Ф. Маркову об А.: «...он — „генерал“ от эмигрантской критики, мнение его (нередко спорное) имеет вес, он создает репутацию поэтам и все они с замиранием сердца смотрят ему в рот (мне рассказывали, что Иг. Чиннов считал для себя мнение Адамовича вроде того что вопросом жизни или смерти)» (Письмо Д.И. Кленовского В.Ф. Маркову от 17 июля 1954 г. // Собрание Жоржа Шерона. Лос-Анджелес). Отдельные попытки пересмотреть репутацию А., конечно, предпринимались, в том числе такими известными авторами, как Г.В. Иванов и Г.П. Струве, но ни к чему не привели, для большинства литераторов первой и, тем более, второй волны отзыв А. значил очень много и порой мог оказываться решающим.

Вышедшая в 1955 кн. «Одиночество и свобода» подводила итоги целой лит. эпохе. Книга была принята в эмиграции в целом благосклонно и даже восторженно. А. Седых в своей рецензии «Итоги Адамовича» назвал ее «замечательной, умной и блестящей» («Новое рус. слово» 1955. 2 окт. № 15436), а Г. Андреев — «книгой в наши времена редкой, хочется сказать, единственной по уму, изяществу и благородству чувства и стиля» («Опыты». 1956. № 7). М.Л. Кантор писал, что «Одиночество и свобода» «войдет в русскую литературу не только как книга о писателях, но и как книга выдающегося писателя» («Опыты». 1956. № 6).

Эссеистика А. оказала не меньшее влияние на эмигрантскую лит-ру, чем его критика. По свидетельству Ю.К. Терапиано, «до войны 1939 года „Комментарии“ определяли тон „Монпарнаса“, т.е. младшего поколения зарубежной литературы, — не только парижан, но и других центров нашего рассеяния в других странах» (Терапиано Ю.К. «Комментарии» // Рус. мысль. 1978. 18 мая. № 3204). После первых же порций «Комментариев» в «Числах» А. в глазах эмигрантской элиты превратился из бойкого газ. критика в нечто большее, уже серьезное. М.О. Цетлин, говоря об А., в первую очередь отмечал «его влияние на молодых поэтов, так как оно в значительной степени их сформировало, окрасив собою „Числа“ и другие органы парижской литературной молодежи» (Цетлин М.О. О современной эмигрантской поэзии // Совр. записки. 1935. № 58). Даже Ходасевич, в первые годы своей парижской жизни относившийся к А. и его лит. деятельности весьма скептически (см., напр., его отзыв в письме М.М. Карповичу от 3 июня 1925 г. // Oxford Slavonic Papers. 1986. Vol. XIX), вынужден был на этот раз отдать должное. Разбирая все десять

номеров «Чисел» в своей очередной статье, он заявил, что в них «всерьез приходится считаться только с „Комментариями“» (Ходасевич В. О задачах молодой литературы // Возрождение. 1935. 19 дек.).

А. придавал очень мало значения методикам, терминологии, подсчетам и вообще любым проявлениям научности в лит-ре: «„Романы Достоевского полифоничны“, „Такая-то повесть сделана так-то“. Прекрасно, а что дальше? „Полифоничны“, „сделана“ так-то, но чем это меня обогащает, чем это может быть для меня интересно, — разве что для удовлетворения простого любопытства?» («Оправдание черновиков», 1971). 3 дек. 1952 А. писал М.А. Алданову: «За собой я признаю, кстати, только одно достоинство, которое, вероятно, считается недостатком: то, что у меня нет системы и твердого взгляда, вроде как у Добролюбова. Когда начинаются системы, то критика становится чепухой окончательной» («Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения...»: Переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым (1944–1957) // Ежегод. Дома рус. зарубежья им. Александра Солженицына. 2011. М., 2011). Сугубо лит.-вед. статей А. не писал, не только лит.-ведом, но и в широком смысле филологом, да и вообще ученым ни в малейшей степени не был. К самому слову «литературовед» относился с большой иронией: «Нет слова более мертвого, мертвящего, нежели „литературовед“, и когда поневоле употребляешь его, трудно обойтись без кавычек. (Очень хорошо у Беллы Ахмадулиной в стихотворном рассказе о приглашении на обед, где кавычки заменены насмешливой интонацией: дверь ей отворила „жена литературоведа, сама литературовед“). Труды, академические успехи, лекции, выписки, картотеки, подсчеты, сколько раз употреблено слово „зеленый“, а сколько раз „красный“, выводы из такого сопоставления, анализ стиля, нет, лучше не стилиа, а „семантики“ — и полная... удерживаюсь, однако, чтобы не вырвалось из-под пера словечко, которое бедной жене „литературоведа“ показалось бы незаслуженно обидным» («Оправдание черновиков»). Такое отношение не могло не раздражать представителей этого цеха. Почти каждый из них, будь то друг или недруг, от Струве и Ходасевича до Иваска и Казака, упоминающая об А., не мог удержаться от фразы вроде: «он не имел никакого понятия о филологическом анализе» (Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Лондон, 1988). На этом сходились все, равно скептики и почитатели. Говорить о том, что А. «не имел никакого понятия о филологическом анализе», имея в виду недостаток образования, не приходится, — все же на филол. фак. Петербург. ун-та он учился в одно время с будущими формалистами, у одних и тех же профессоров, и всю книжную премудрость худо-бедно, а должен был знать. Другое дело, что он придавал ей мало

значения и к формалистам с самого начала относился весьма скептически: «Поговорите с любым „формалистом“: он вам изъяснит все тайны техники, разберет все спондией и трохей, но если вы прочтете ему стихи и спросите, что это за размер, он начнет считать стопы по пальцам, да и то ошибется. Основное и простейшее ускользает» («Литературные беседы», 1925). Не изменил он своего отношения к формализму и к концу жизни, только претензии усилились, стали еще серьезнее: «Что реакция против критики импрессионистической, довольно-таки несносного айхенвальдовского типа, была неизбежна и благотворна, еще очевиднее. Но удручает нарочитое очерствение, обеднение, самодовольное вторжение пустоты» («Оправдание черновиков»). Впрочем, когда его воспитанник, поэт А.С. Штейгер, заявил, что не понимает разницы между ямбом и хореем, А. посоветовал не слишком этим гордиться. Чистое исследование его никогда не привлекало, и теория в глазах А. была оправдана лишь тогда, когда приносила результат, но не сама по себе. Терминологию же, считал он, лучше и вовсе оставлять за скобками, не пользуясь ею в печати. К «достижениям современной литературной науки», претендующим на истину в последней инстанции, А. очень рано научился относиться довольно скептически. Он был убежден, что «история литературы — летопись легкомыслия и непостоянства. Нет, кажется, ни одного течения, ни одной теории, которая через двадцать пять — тридцать лет не показалась бы вздорной и плоской» («Комментарии», 1933). И все же при всей своей нелюбви к литературоведению, равно классическому и формалистскому, А. мог в газ. статье небрежно бросить мысль, к-рой иному лит-веду хватило бы на докторскую дис. К примеру, фразу о «полифоническом» повествовании у Достоевского А. бросил вскользь, рассуждая о леоновских «Барсуках», еще в 1925, за четыре года до выхода первого издания книги М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929). Другое дело, что по складу характера он никогда этих мыслей не развивал, но тут срабатывал условный рефлекс «неподдельного адамовичевского аристократизма», по определению Чиннова («Новый ж-л», 1972. № 109), к-рый многие считали снобизмом. А. не находил нужным, да и вообще возможным, разъяснять все до конца и растолковывать то, что считал очевидным.

Издания. Собр. соч.: [В 8 т.] СПб., 1998–2015; Собр. соч.: В 18 т. М., 2015 — изд. продолжается; Василий Алексеевич Маклаков: Политик, юрист, человек. Париж, 1959; Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж, 1961; О книгах и авторах: Заметки из литературного дневника. Париж, 1967; Критическая проза. М., 1996; Одиночество и свобода. М., 1996; Сомнения и надежды. М., 2002.

Библиография, архивы. *Hagglund R. Georgy Adamovich: An Annotated Bibliography — Criticism, Poetry, and Prose, 1915–1980.* Ann Arbor, 1985; Георгий Адамович: Библиогр. указ. лит-ры о жизни и творчестве (1915–1910) // Ежегод. Дома рус. зарубежья им. Александра Солженицына. 2011. М., 2012; НИОР РГБ (ф. 754); РГАЛИ (ф. 341, 1068, 2274, 2567); ОР РНБ (ф. 248); РО ИМЛИ (ф. И.В. Чиннова); ДРЗ (ф. 3, 54); Bakhmeteff Archive (Coll. G. Adamovich, M. Aldanov, R. Grynberg, A. Poliakov, V. Weidle, V. Yanovsky); Beinecke Rare Book and Manuscript Library (MSS. 90, 92, 182, 301, 334, 731); Leeds Russian Archive (MSS. 1048, 1066–1067, 1500); University of Illinois at Urbana-Champaign Archives (Coll. S. Pregel and V. Rudnev); Amherst Center for Russian Culture (Z. Gippius and D. Merezhkovsky, Iu. Ivask Papers); Hoover Institution Archives (N. Berberova, M. Kantor, G. Struve, M. Vishniak Papers); Lilly Library, Indiana University, Bloomington (f. 3); Library of Congress (Coll. Vozdushnye Puti).

Литература. Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 1. М., 1989; Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. 1. Писатели рус. зарубежья. М., 1997; *Коростелев О.* Критическая проза Георгия Адамовича // Лит. учеба. 1991. № 1; *Головченко С.А.* Георгий Адамович как литературный критик // Актуальные проблемы современного литературоведения. М., 1997; *Коростелев О.А.* Адамович (1892–1972) // Литература русского зарубежья: 1920–1940. Вып. 2. М., 1999; *Kodzis V.* Георгий Адамович как литературный критик // *Studia Rossica VII.* Warszawa, 1999; *Горбунова А.И.* Место Георгия Адамовича в культурной жизни русского зарубежья 1920–1930-х годов // Миф. Традиция. Культура. Саранск, 2003; *Мартынов А.* Георгий Адамович: «Комментарии» к Владимиру Соловьеву // Соловьевские исслед. Вып. 10. Иваново, 2005; *Смит А.* Георгий Адамович как критик Цветаевой и последний акмеист в контексте литературного быта русской эмиграции 1920-х годов // «В рассеянии сущие...». М., 2006; *Лебедева С.Э.* Литературная деятельность Георгия Адамовича на страницах журнала «Современные записки» // Восток-Запад: пространство русской литературы и фольклора. Волгоград, 2006; *Коростелев О.А.* Георгий Адамович о взаимоотношениях французской и русской литературы // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу: 1920–1940. М., 2007; *Горбунова А.И.* Осмысление традиций классической русской поэзии в литературной критике Г.В. Адамовича // Русское литературоведение на современном этапе. Т. 2. М., 2007; *Коростелев О.А.* «Парижская нота»; Георгий Адамович // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты поэтов: В 2 т. Т. 2. М., 2008; *Нефасина Г.Л.* Одиночество и свобода как онтологические

категории в критических эссе Г. Адамовича // Русское зарубежье — духовный и культурный феномен. Вып. 2. М., 2008; *Захариева И.* Литературный канон Георгия Адамовича // Там же; *Яров С.В.* Г.В. Адамович. Одиночество и свобода // Яров С.В. Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX века. СПб., 2009; *Tjalsma W.* «Acmeism», Adamovic, The «Parisian Note» and Anatolij Steiger // Toward a Definition of Acmeism. Russian Language Journal. Supplementary issue. East Lansing, 1975; *Hagglund R.* A Vision of Unity: Adamovich in Exile. Ann Arbor, 1985.

О.А. Коростелев

АДМОНИ Владимир Григорьевич [29.10.1909 [предположительно, по новому стилю], Санкт-Петербург — 26.11.1993, Санкт-Петербург], языковед-германист, историк зарубежной лит-ры, переводчик. Д-р филол. наук. Член СП СССР.

Родился в семье юриста, востоковеда, публициста и историка еврейского народа Г.Я. Красного-Адмони. В 1930 А. закончил отд-ние иностранных языков Ленинград. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена, в к-ром в течение тридцати лет осуществлял свою преподавательскую деятельность (в 1930–1938; 1954–1960; с 1957 возглавил каф. германской филологии). А. работал также в 1-м Пед. ин-те иностранных языков (1937–1942, в 1945–1954 был зав. каф. нем. языка), преподавал историю зарубежной лит-ры в ЛГУ (1948–1952). С 1960 до 1982 А. был старшим научным сотрудником в Ленинград. отд-нии Ин-та языкознания АН СССР (ныне Ин-т лингвистических исследований РАН). В 1939 защитил канд. дис. о творчестве Жан-Поля Рихтера, а в 1947 — докторскую дис. о Генрике Ибсене. Научная деятельность А. была признана за рубежом (почетный д-р философии Уппсальского ун-та [Швеция], член-корр. Геттингенской АН и т.д.). В 1971–1980 А. руководил секцией поэтического перевода Ленинград. писательской организации. В 1964 на судебном заседании по делу И.А. Бродского выступил в его защиту, дав ему высокую оценку как поэту и переводчику.

А. — автор многочисленных работ по нем. языку и теории грамматики, классик совр. языкознания.

Лит.-вед. деятельность А. относится прежде всего к области изучения и популяризации немецкоязычной и скандинавских лит-р. В статьях 1930-х (главы его дис. о Ж.-П. Рихтере: «Жан-Поль Рихтер», 1936; «Роман Жан-Поля Рихтера», 1937; «Художественные традиции Жан-Поля Рихтера в творчестве Гофмана и Гейне», 1940) и в более поздней кн. «Генрик Ибсен: Очерк творчества» (1956) в духе традиций марксистского литературоведения весь богатый фактический материал, вошедший в эти работы, рассматривался прежде всего с социально-политической точки зрения. В 1960

А. (совм. с Т.И. Сильман) опубликовал моногр. «Томас Манн: Очерк творчества» — первую отечественную книгу о писателе, продолжившую интерес к нему, возникший еще в 1930-е («Томас Манн — теоретик искусства, философ и публицист», 1938).

Важны для истории отечественной германистики публикации А. в «Истории немецкой литературы» (Т. 4; 1968) о поэтах порубежья (Г. Гофмансталь, С. Георге, Р.М. Рильке), к-рые с нач. 1930-х в СССР не изучались и не издавались. С его статьи о Рильке («Поэзия Райнера Марии Рильке», 1962) начинается возрождение творческого наследия поэта в русскоязычном культурном пространстве. В последней большой работе — книге очерков «Поэтика и действительность: Из наблюдений над зарубежной литературой XX в.» (1975) — А. обращается к основным движениям XX столетия в западной лит-ре, он соединяет в ней лит-вед. и лингвистический анализ и выделяет категорию «напряженности», свойственную всему строю лит. произведения, его «языковым структурам, как грамматическим и лексическим, так и ритмико-интонационным». По мысли А., XX век обращается к «более полному, более фронтальному использованию тех средств создания напряженности, которые были заложены как в языковых, так и в композиционных структурах и их взаимодействии». В книге А. доминирует конкретно-ист. подход, внимание к проблематике произведений немецкоязычных, англ., амер. и франц. писателей.

А. опубликовал также несколько поэтических сб.: «Из долгих дней: Стихотворения 1925–1983» (1984), «Поэма полета: Двадцатые годы» (1990), «Жизнь наклонилась надомной: Стихотворения 1925–1991» (1993).

Издания. Генрик Ибсен: Очерк творчества. М., 1956; Томас Манн: Очерк творчества. Л., 1960. — В соавт. с Т.И. Сильман; Поэтика и действительность: Из наблюдений над зарубежной лит-рой XX в. Л., 1975; Die Tagebücher der Dichter in sprachlicher Sicht. Mannheim, 1988; Henrik Ibsen. Die Paradoxie eines Dichterlebens. München, 1991.

Статьи. Метафизический роман: (О «Волшебной горе» Томаса Манна) // Знамя. 1935. №12; Жан-Поль Рихтер // Ранний буржуазный реализм. Л.; М., 1936; [Послесловие] // Реглер Г. Вода, хлеб и пули. Л., 1936; Роман Бертольта Брехта // Лит. современник. 1937. №3; [Предисловие] // Жан-Поль. Зибенкэз. Л., 1937; Томас Манн — теоретик искусства, философ и публицист // Манн Т. Собр. соч.: [В 6 т.] Т. 6. Л., 1938; Художественные традиции Жан-Поля Рихтера в творчестве Гофмана и Гейне // Уч. зап. 1-го Пед. ин-та иностранных языков. 1940. Т. 1; История датской литературы // Скандинавские страны. Л., 1945; История норвежской литературы // Там же; Вопросы художественного перево-

да // Звезда. 1954. №12; [Предисловие] // Ибсен Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1956; [Предисловие] // Бьернсон Б. Пьесы. М.; Л., 1961; Поэзия Райнера Марии Рильке // Вопр. лит-ры. 1962. №12; [Предисловие] // Лу Ю. Хутор Гилье; Майса Юнс. М.; Л., 1966; Роман Йенса Петера Якобсена «Нильс Люне» // Скандинавский сб. Вып. 14. Таллин, 1969; Миф о творчестве Томаса Манна // Новый мир. 1971. №4; [Послесловие] // Песнь о Нибелунгах. Л., 1972 (Лит. памятники); Стихия философской мысли в драматургии Шекспира // Шекспировские чтения за 1976. М., 1977; Жизнь рифмы в XX веке // Звезда. 1983. №7; Блок и Лилиенкрон // Уч. зап. Тартуского ун-та. 1985. Вып. 657; [Предисловие] // Келлер Г. Избранное. Л., 1988; Модернизм — постмодернизм // Всемирное слово. 1992. №3.

Письма, дневники, мемуары. Мы вспоминаем: Роман. СПб., 1993. — В соавт. с Т.И. Сильман.

Библиография, архивы. Список основных трудов // Творческое наследие Владимира Григорьевича Адмони и современная филология. СПб., 1998. **Литература.** КЛЭ. Т. 1. М., 1962; Абрамкин В.М., Лурье А.Н. Писатели Ленинграда: Биобиблиогр. указ. Л., 1964; Профессора Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена в XX веке: Биограф. справочник. СПб., 2000; Яневич Н. [Е.М. Евнина]. Институт мировой литературы в 1930-е — 1970-е годы // Память: Ист. сб. Вып. 5. Париж, 1982. С. 138–140; [Некролог] // Изв. РАН. Сер. лит-ры и яз. 1994. Т. 53. №3; Творческое наследие Владимира Григорьевича Адмони и современная филология. СПб., 1998; Belobratow A. Admoni, Vladimir Grigor'evič // Internationales Germanistenlexikon 1800–1950. Berlin; New York, 2003. Bd. 1.

А.В. Белобратов

АДРИАНОВ Сергей Александрович [18 (30).06.1871, Томск — 25.01.1942, Ленинград], историк лит-ры, лит. критик, публицист, переводчик.

Родился в Томске, в семье чиновника-писаря из кантонистов. Окончил ист.-филол. фак. Петербург. ун-та (1892). А. преподавал в гимназиях Череповца и Петербурга (1894–1904). В 1905 начал работать на каф. рус. словесности Петербург. ун-та, а в 1912 стал профессором Женского пед. ин-та. После революции А. преподавал в 1-м Высш. пед. ин-те (позже — Ленинград. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена).

Большой популярностью пользовались его публичные лекции, нек-рые из них в виде брошюр позже были изданы: «Накануне Беллинского» (1898), «Писатель переходного времени: Речь в память И.С. Тургенева» (1904). А.-лектор надолго оставил о себе память. Более чем полвека спустя его тогдашний студент М.С. Григорьев вспоминал: А. «впервые открывает мне Пушкина. Трудно передать, как читал Адрианов лекции. Форма его лек-

ций так до конца была подчинена его личной убежденности, его личному эстетическому восторгу, глубине восприятия, что форма отдельно не ощущалась, как у лучших писателей...» («Вопр. лит-ры». 2015. №3).

В печати А. прежде всего заявил о себе как критик совр. лит-ры. Он активно сотрудничал в ж-ле «Вестн. Европы» (с 1909 — зав. отделом критики), где регулярно публиковал свои «Критические наброски» (1910–1915) — статьи о творчестве совр. ему писателей. В духе эстетической позиции ж-ла А. критически относился к творчеству поэтов-символистов (В.Я. Брюсова, А. Белого, В.И. Иванова и др.), благожелательно — к писателям-реалистам (И.А. Бунину, А.И. Куприну, М.М. Пришвину и др.).

Вклад в историю рус. лит-ры А. внес как редактор и автор статей «Русской энциклопедии» (1911–1915), «Русского биографического словаря» (Т. 3; 1908; вместе с Б.Л. Модзалевским) и как один из создателей «Словаря литературных типов» (1908–1910).

В сов. время А. стал заниматься переводческой деятельностью: переводил произведения Дж. Лондона, О'Генри, Г. Уэллса, швейцар. писателя Г. Келлера, нем. драматурга Ф. Геббеля.

Издания. Накануне Беллинского. СПб., 1898; «На дне» Максима Горького: Критический набросок. СПб., 1903; Писатель переходного времени: Речь в память И.С. Тургенева. СПб., 1904. **Редактирование, составление и подготовка к печати.** Русский биографический словарь. Т. 3. СПб., 1908; Русская энциклопедия. Т. 1–11. СПб., 1911–1915; Келлер Г. Избранные новеллы. М.; Л., 1934; Геббель Ф. Трагедии. М.; Л., 1934.

Статьи. [Предисловие] // Келлер Г. Избранные новеллы. М.; Л., 1934; [Предисловие] // Геббель Ф. Трагедии. М.; Л., 1934; К 750-летию «Слова о полку Игореве» // Уч. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. 1938. Т. 14; На заре русского самосознания («Слово о полку Игореве») // Звезда. 1938. №6; Карамзин // История русской литературы: Учебник для вузов. М., 1941. **Библиография, архивы.** РО ИРЛИ (ф. 377); ЦГИА СПб (ф. 14).

Литература. Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 1. М., 1989; Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 1; Егоров И.В. От монархии к Октябрю. Л., 1980. С. 118–127; Русская литература и журналистика начала XX в.: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984 (по именному указ.); Григорьев М.С. Учителя, современники и Брюсовский институт // Вопр. лит-ры. 2015. №3.

Редакция Словаря

АДРИАНОВА-ПÉРЕТЦ Варвара Павловна [30.04 (12.05).1888, Нежин Чернигов. губ. — 06.06.1972, Ленин-

град], историк древнерус. лит-ры, текстолог, фольклорист, библиограф. Д-р филол. наук. Член-корр. АН СССР.

Окончила ист.-филол. фак. Высш. женских курсов в Киеве (1906–1910), где была оставлена преподавать (1911–1914). В 1912 А.-П. сдала экстерном экзамены за полн. курс ист.-филол. фак. Киев. ун-та. В 1915–1917 преподавала на Высш. пед. курсах Общества экспериментальной педагогики в Петрограде. В 1917 при Петроград. ун-те защитила магистерскую дис. В 1917 была избрана экстраординарным профессором Первого Петроград. пед. ин-та. В 1921–1930 работала на курсах по подготовке научных сотрудников в ГИИИ. Одна из организаторов Самар. пед. ин-та (1917–1921). Научный сотрудник Комиссии по составлению библиографии древнерус. лит-ры при РАН в Петрограде и в ИЛЯЗВ (1921–1924). В 1930-е научный сотрудник Славянского отделения Б-ки АН СССР, старший научный сотрудник ИРЛИ. Учредитель (наряду с акад. В.Н. Перетцем и акад. А.С. Орловым), ученый секретарь (1934–1947) и глава Отдела (Сектора) древнерус. лит-ры ИРЛИ (1947–1954); постоянный рецензент и ред. Тр. ОДРЛ. Зав. Сектором фольклора и зам. директора ИРЛИ (1950–1951).

Как ученый А.-П. сформировалась в семинарии рус. филологии (1907–1908) акад. В.Н. Перетца при Киев. ун-те (неофициальном научном объединении, заседания к-рого проходили на квартире Перетца). Начало исследовательской деятельности А.-П. связано с изучением древнерус. и древнеукр. текстов книжной традиции. Ее первая статья «Приемы изучения переводных памятников» (1907) носит принципиальный методический характер как для последующих научных поисков А.-П., так и для отечественной медиэвистики. А.-П. одновременно работает над несколькими темами (*жанр хождений*, старинный рус. театр и *силлабическое стихотворство* XVII в.) и текстами («Евангелие Фомы», «Аристотелевы врата»). Результатом исследования явились кн. «Евангелие Фомы в старинной украинской традиции» (1908), «К истории текста „Аристотелевых врат“» (1911) и «Материалы для истории цен на книги в Древней Руси XVI–XVIII вв.» (1912). В «Евангелии Фомы в старинной украинской литературе» показано, как в XVIII в. этот памятник становится типичной «народной книгой»; осмыслен процесс включения в него легенд и продемонстрировано превращение памятника в материал для народного сказания. В работе «К истории текста „Аристотелевых врат“» памятник показан в его связях с ист.-лит. процессом и в его типичных для каждой эпохи изменениях. Здесь А.-П. объясняет причины популярности памятника в XVI–XVIII вв., показывает изменения, происходящие в нем, постепенный рост в его основе народных элементов и исчезновение непонятных читателям иноязычных вкраплений.

Детальное изучение многочисленных редакций — от древнейшей списка XII в. до поздних версий петровской эпохи — «Жития Алексея, человека божиего», сопоставление их с семьюдесятью четырьмя вариантами духовного стиха об Алексее человеке Божием, вошедшего в великорус., укр. и белорус. фольклорный репертуар, исследование отражения этой темы в иконописи, силлабическом стихотворстве, школьной драме и в барочной проповеди отражено в магистерской дис. «Житие Алексея, человека божиего в древней русской литературе и народной словесности» (1917), изданной отдельной книгой. История памятника для А.-П. — часть истории лит-ры, это история древневосточных славянских лит-р. В работе показана смена лит. вкусов и приемов переработки текста, история идей и развитие взаимоотношений лит-ры и фольклорных жанров. Разработка намеченных в дис. тем стихотворства и старинного театра XVII в. была продолжена А.-П. в 1920-е. В статье «Из начального периода русского стихосложения» (1921) она высказала предположение о параллельности и генетической несвязанности процессов развития ритмической и рифмованной прозы и силлабической поэзии, подтвержденные позднейшими исследованиями. В 1928 А.-П. публикует библиогр. рус. школьной драмы и театра XVII–XVIII вв. и статью «Сцена и приемы постановки в русском школьном театре», к-рая стала экскурсом в сценическую историю рус. школьного театра. Используя ремарки школьных драм, европейские театральные руководства XVII в., А.-П. реконструировала приемы работы первых рус. режиссеров и детально описала декорации, костюмы и сценические эффекты.

К концу 1920-х — нач. 1930-х в кругу научных интересов А.-П. закрепляются фольклор и пародийные тексты XVII–XVIII вв.: она публикует укр. *пародию* «Служба пиворзам» (1928), статьи «Юмористические лечебники» (1928) и «Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII в.» (1929). К 750-летию юбилею «Слова о полку Игореве» А.-П. был подготовлен к печати библиогр. справочник по памятнику (1938), где зафиксированы издания древнерус. текста «Слова», переводы памятника, специально посвященные «Слову» исследования и статьи. Библиогр. была предпослана статья А.-П., подводившая итоги изучению памятника и намечавшая ключевые темы его дальнейшего исследования.

Опубликованные А.-П. *антиклерикальные сатиры* «Служба кабаку» (1934), «Повесть о куре и лисе» (1935), «Азбука о голом и небогатом человеке» (1936), «Калязинская челобитная» (1936), сопровождаемые ист. комментарием, составят материал основного исследования А.-П. последующих лет — «Очерков по истории русской демократической сатирической литературы XVII в.» (1937) и «Русской

демократической сатиры XVII века» (1954). А.-П. пересмотрела концепцию ист.-лит. процесса рус. и укр. средневековья, существовавшую в дореволюционной науке. Переосмысление места *демократической сатиры* в ист.-лит. процессе, осознание ее роли как самостоятельного течения, противостоящего официальной культуре, стало важнейшим открытием А.-П. В «Очерках по истории русской демократической сатирической литературы XVII в.» А.-П. ввела в научный оборот значительное число памятников, доказала существование не случайных и разрозненных текстов, но мощного лит. направления демократической сатиры, без учета к-рого нельзя понять специфику «переходного века». Она впервые обратила внимание на огромную роль демократической сатиры в ист.-лит. процессе XVII в. Работа была полемична по отношению к исследованиям И.А. Забелина, усматривавшего в этих памятниках лишь «старый дурацкий смех» и «стихию веселости», и А.Н. Веселовского, полагавшего образцы рус. сатиры пересказами западной «смехотворной» повести. А.-П. доказывает нац. обусловленность рус. демократических повестей, анализируя их фольклорную основу, обращается к проблеме происхождения того или иного жанра. Используя метод тщательного ист. комментирования, А.-П. насыщает «Очерки» ист. фактами, воссоздает атмосферу реального бытия Москов. гос-ва XVII в., сопоставляет ист. фон и бытовые реалии с реалиями текстовыми.

В 1930-е подступом к другой важнейшей для А.-П. проблеме — взаимоотношениям средневековой лит-ры и фольклора — становится осмысление словесной культуры как двуединого фольклорно-книжного комплекса. Это отразилось в подготовленном ею разделе «Фольклор» в кн. «Мнимая поэзия» (1931), содержащем публикации и комментарии героических, ист. и свадебных народных песен, а также в работах, посвященных исследованию сатирической сказки («Казки про лисицю-сповідницю», 1932) и пословицам («К истории русской пословицы», 1934). В ряде статей 1940 — нач.1950-х («Древнерусская литература и фольклор: (К постановке проблемы)», 1949; «Исторические повести XVII в. и устное народное творчество», 1953 и др.) и в главах коллективного труда «Русское народное поэтическое творчество» (1953) А.-П. выступает против ограничения изучения взаимоотношений фольклора и лит-ры сопоставлениями отдельных элементов формы (метафор, сравнений, эпитетов). А.-П. требует объяснения проникновения фольклора в лит-ру и лит. мотивов в фольклор, предлагая искать эти объяснения в явлениях идеологии, мировоззрения, в условиях существования лит. и фольклорных текстов. Для А.-П. проблема взаимоотношения фольклора и лит-ры в Древней Руси — это проблема соотношения

двух мировоззрений и двух худож. методов, «то сближавшихся до полного совпадения, то расходившихся по своей принципиальной неприимиримости». Отсюда — главная задача лит-ведения при изучении лит-ры и фольклора: необходимость осмысления характера, границ и причин сближения приемов отражения действительности в творчестве древнерус. писателя и народного поэта, определение функциональных различий и их сходства в каждом конкретном памятнике. Новая постановка проблемы взаимоотношения лит-ры и фольклора позволила А.-П. принципиально с иных позиций исследовать фольклоризм «Слова о полку Игореве». В статье «„Слово о полку Игореве“ и устная народная поэзия» (1950) А.-П. осмысливает идейную позицию автора «Слова» в соотношении с мировоззрением устной поэзии, народного, героического и сказочного эпоса.

Значительное место в научном наследии А.-П. занимает цикл статей, посвященных «Задонщине»: «Задонщина. Текст и примечания» (1947), «Задонщина: (К вопросу о реконструкции авторского текста)» (1948) и др. Исследование этого памятника было принципиально важно и для изучения «Слова о полку Игореве». Восстанавливая текст протографа «Задонщины», публикуя сохранившиеся списки памятника, делая сравнительный анализ параллельных эпизодов и словосочетаний «Слова» и «Задонщины», А.-П. на основе ист., стилист. и грамат. данных доказывает первичность «Слова».

В 1940–1950-х А.-П. становится организатором издания коллективных работ по истории древнерус. лит-ры: «История русской литературы» [под ред. В.А. Десницкого] (1941); первые два тома «Истории русской литературы» [ИРЛИ] (1941. Т. 1; 1945. Т. 2. Ч. 1; 1948. Т. 2. Ч. 2); первый том «Истории русской литературы» [под ред. Д.Д. Благого] (1958). Во всех изданиях под руководством А.-П. создавалась общая концепция ист.-лит. и ист.-фольклорного процесса X–XVII вв., на первый план выдвигались ист. жанры, включались новые памятники; лит. процесс рассматривался в контексте отечественной культуры. В 1947 А.-П. публикует кн. «Очерки поэтического стиля Древней Руси», в к-рой детально исследует происхождение, значение традиционной повторяемости **символов** и **метафор** древнерус. лит-ры в их взаимосвязи с фольклором, изучает библейско-визант. традицию в языке и стиле и показывает взаимосвязь одних **устойчивых поэтических формул** с фольклорной поэзией, других — с библейско-визант. системой изобразительных средств. Эта новаторская тема решалась А.-П. в связи с рассмотрением жанра **лиро-этических плачей**, стоящих на грани письменного и устного народного творчества. Принцип изучения лит. фактов здесь — «последовательное восстановление системы художественных средств, с помощью которых древ-

нерусский писатель решал поставленные перед ним задачи».

Последняя работа А.-П. — кн. «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI–XIII веков» (1968). В ней на обширном фактическом материале доказывается, что весь словесный материал, на к-ром построено «Слово», соответствует способу выражения, зафиксированному в различных типах народного письменного языка домонгольского времени, в различных лит. и деловых жанрах. Анализируя фразеологию «Слова» в сопоставлении с оригинальными и переводными текстами рус. лит-ры, деловой письменности XI–XIII вв., исследуя его стилист. и лексической строй, А.-П. утверждает бесспорность принадлежности памятника к XII столетию и связь его жанровой природы и с фольклорной, и с лит. традициями словесного искусства XI–XII вв.

Издания. К литературной истории Толковой Палеи. Киев, 1910; Материалы для истории цен на книги в Древней Руси XVI–XVIII вв. СПб., 1912; Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917; «Праздник кабацких ярыжек»: Пародия-сатира второй половины XVII в. М.; Л., 1936; Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937; Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947; «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968; Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. *Редактирование, составление и подготовка к печати.* Древнерусская повесть. Вып. 1. М.; Л., 1940. — Совм. с В.Ф. Покровской; «Слово о полку Игореве»: Библиогр. изданий, переводов и исслед. М.; Л., 1940; История русской литературы. Т. 1. Литература XI — начала XIII в. М.; Л., 1941; История русской литературы: Учебник для вузов. Т. 1. Ч. 1. Русская литература XI–XVII вв. М., 1941; История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. Литература 1220-х — 1580-х гг. М.; Л., 1945; Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. М.; Л., 1948; История русской литературы. Т. 2. Ч. 2. Литература 1590–1690 гг. М.; Л., 1948; Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949; Былины. Л., 1950; Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950; Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950; Былины Севера. Т. 2. Прионежье, Пинега и Пономорье. М.; Л., 1951; Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951; Русское народное поэтическое творчество. Т. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков. Л., 1953; Слово о полку Игореве. Л., 1953; Русская демократическая сатира XVII века. М.; Л., 1954; Казанская история. М.; Л., 1954; Русское народное поэтическое творчество. Т. 2. Кн. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины

XVIII — первой половины XIX века. М.; Л., 1955; Русское народное поэтическое творчество. Т. 2. Кн. 2. Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX — начала XX в. М.; Л., 1956; «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962; Демократическая поэзия XVII века. М.; Л., 1962. **Статьи.** Филология, ее задачи и методы по Paul'ю и Воеckh'ю // Пособие к лекциям по введению в изучение русской литературы. Киев, 1907; Приемы изучения переводных памятников // Там же; Из истории театра в Твери в XVIII веке // Старинный театр в России XVII–XVIII вв.: Сб. ст. Пг., 1923; Задонщина: (К вопросу о реконструкции авторского текста) // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1947. Т. 6. Вып. 2; Древнерусская литература и фольклор: (К постановке проблемы) // Тр. ОДРЛ. 1949. Т. 7; «Слово о полку Игореве» и русская народная поэзия // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1950. Т. 9. Вып. 6; Историческая литература XI — начала XV в. и народная поэзия // Тр. ОДРЛ. 1951. Т. 8; Исторические повести XVII века и устное народное творчество // Тр. ОДРЛ. 1953. Т. 9; У истоков русской сатиры // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1954. Т. 13; Фольклорные сюжеты стихотворных жарт XVIII века // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков. М.; Л., 1959; О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI–XV вв.) // Тр. ОДРЛ. 1960. Т. 16; Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке. (Украинские переводы «Хожений игумена Даниила» и «Сказания Афродитиана») // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961; Из истории русской повести XVII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. ст. к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М., 1963; О связи между древним и новым периодами в истории славянских литератур // Тр. ОДРЛ. 1963. Т. 19.

Письма, дневники, мемуары. Письма В.П. Адриановой-Перетц М.Н. Тихомирову // Тр. ОДРЛ. 1993. Т. 46; Переписка В.П. Адриановой-Перетц и Н.К. Гудзия: (По архивным материалам) // Тр. ОДРЛ. 1993. Т. 46.

Библиография, архивы. Список печатных трудов члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц // Тр. ОДРЛ. 1958. Т. 14; Варвара Павловна Адрианова-Перетц. М., 1963 (Матер. к библиогр. ученых СССР. Сер. лит-ры и яз. Вып. 4); Список печатных трудов члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц за 1957–1968 годы: (Продолжение) // Тр. ОДРЛ. 1969. Т. 24; РО ИРЛИ (ф. 728).

Литература. КлЭ. Т. 1. М., 1962; Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 1; Пушкинский Дом: Матер. к истории. 1905–2005. СПб., 2005; *Еремин И.П.* Очерк научной деятельности члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц // Тр. ОДРЛ. 1958.

Т. 14; *Гудзий Н.К.* К семидесятилетию В.П. Адриановой-Перетц // Рус. лит.-ра. 1963. № 2; *Дробленкова Н.Ф.* К 75-летию В.П. Адриановой-Перетц // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1963. Т. 22. Вып. 2; *Лихачев Д.С.* Изучение русской литературы X–XVII вв. за 50 лет // Рус. лит.-ра. 1967. № 3; *Кузьмина В.Д.* В.П. Адрианова-Перетц: К 80-летию со дня рождения // Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и яз. 1968. Т. 27. Вып. 2; *Лихачев Д.С.* История древней русской литературы в трудах В.П. Адриановой-Перетц // Тр. ОДРЛ. 1969. Т. 24; [Некролог] // Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и яз. 1973. Т. 32. Вып. 1; *Каган М.Д.* Традиции изучения древнерусской литературы в филологической науке // Рус. лит.-ра. 1973. № 4; *Бялый Г.А.* В.П. Адрианова-Перетц // Тр. ОДРЛ. 1974. Т. 29; *Макогоненко Г.П.* Университетская школа истории русской литературы за советский период ее развития // Вестн. ЛГУ. 1978. Вып. 2. № 8; *Лихачев Д.С.* Прошлое — будущему: Ст. и очерки. Л., 1985; *Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве» и эстетические представления о его времени: (Посвящается памяти В.П. Адриановой-Перетц) // «Слово о полку Игореве». 800 лет: Сб. М., 1986; *Рождественская М.В.* К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932–1947 гг.): К 55-летию Отдела // Тр. ОДРЛ. 1989. Т. 42; *Адрианова О.Н., Адрианова Л.Н.* Воспоминания о Варваре Павловне Адриановой-Перетц // Тр. ОДРЛ. 1992. Т. 45; *Лихачев Д.С.* Избранное: Воспоминания. СПб., 1997; *Доценко В.Д., Гетманец Г.М., Йолтуховский В.М.* Знаменитые люди Санкт-Петербурга. Т. 1. СПб., 2005; *Дружинин П.* Пушкинский Дом под огнем большевистской критики // Новое лит. обозрение. 2011. № 110. С. 204–209; Отечественные библиографы и библиографоведы: указ. док. источников и лит.-ры о жизни и деятельности, 1917–2014. М., 2015 (по именному указ.).

О.Ю. Осьмухина

АЗАДОВСКИЙ Марк Константинович [05 (17).12.1888, Иркутск — 24.11.1954, Ленинград], фольклорист, библиограф. Д-р филол. наук.

Окончил иркутскую гимназию. Высш. образование получил на славянском отд-нии ист.-филол. фак. Петербург. ун-та (1907–1913), по окончании к-рого был оставлен при каф. истории рус. словесности для подготовки к профессорскому званию. В 1915–1918 — преподаватель Лесного коммерческого училища и 6-й гимназии (Петроград). В Петербурге сложились его прочные связи с Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамерой) и со Сказочной комиссией Рус. географического общества. Готовясь к профессорскому званию, осенью 1913 — зимой 1914 А. совершил длительную фольклорно-этнографическую экспедицию по Амуру («Отчет о поездке по Амуру», 1914). Публи-

кации, связанные с экспедицией, см.: «Амурская частушка» (1913), «Заговоры амурских казаков» (1914), «Песнь о переселении на Амур» (1916). Однако большинство амурских материалов впоследствии погубил в годы революции. Летом 1915 состоялась его поездка в Верхнеленский округ (верховья р. Лены) (см.: «Отчет о научных занятиях», 1915). В 1918–1921 А. являлся преподавателем ист.-филол. фак. Томского ун-та, где сдал магистерские экзамены; 1919–1920 — зав. Библиогр. бюро Ин-та исследования Сибири (Томск). Ин-т способствовал изданию книги А. «Обзор библиографии Сибири» (1920). В 1921–1923 А. работал в Читинском ин-те народного образования, где издал фундаментальный сборник народной причеты «Ленские причитания» (1922). В 1923–1930 — профессор, зав. каф. рус. лит.-ры Иркутского ун-та. В те же годы — член Восточно-Сибирского отдела Рус. географического общества, бывшего центром краеведческой работы в Иркутске; с апр. 1924 — председатель Этнологической секции. Под эгидой секции вышла книга А. «Беседы собирателя. О собирании и записывании памятников устного творчества. Применительно к Сибири» (1924), выросшая из лекций, прочитанных ученым в 1922–1923 в Чите. В Иркутске А. вместе с Г.С. Виноградовым создал одно из лучших в 1920-е краеведческих изданий — ж-л «Сибирская живая старина» (1923–1929), к-рое продолжило традиции дореволюционной петербург. «Живой старины». Работы А., опубликованные в ж-ле, предлагали свежие методологические подходы к материалу («Легенда о Щапове», 1923; «Пути этнографических изучений Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества», 1926; «Николай Бестужев — этнограф», 1925).

В этом же ж-ле А. напечатал записи сказок от Н.О. Винокуровой, сделанные в 1915 («Сказки Верхнеленского края», 1925). Во вступительной статье он обозначил проблемы сибирской сказочной традиции («связь с фольклором туземных племен», «поселенческое влияние») и дал характеристику индивидуального стиля Винокуровой: «...интересы сказительницы направлены... в сторону воспроизведения не самого сюжета, но его реально-бытовой и психологической обстановки». Ученый указал на роль жеста в прорисовке психологических переживаний героев; на место пейзажа в худож. повествовании; на отражение личности сказительницы в сказке и т.д. Методологические подходы к сказочной традиции (акцент на индивидуальности сказочника), реализованные в этой книге, определили основные тенденции развития отечественного сказковедения в 1930-е.

В Иркутске А. создал целый ряд справочно-библиогр. трудов по Сибири: «Литература по этнографии Сибири за последнее десятилетие XIX века (Перечень статей в периодич. изданиях 1891–1900 гг.)» (1924), «Матери-

лы для биобиблиографического словаря Восточно-Сибирских этнографов: Предварительный список» (1926), «Сибирь в русской художественной литературе: Опыт библиогр. указ.» (1926).

В 1920-е А. занимался изучением деятельности декабристов: ввел в науку архивные документы, атрибутировал декабристам подписанные псевд. статьи: «Автографы А. и М. Бестужевых в Читинском музее» (1925), «Декабристы на каторге и в ссылке. 1. Загадочный документ» (1925); «Н.А. Бестужев о бурятском хозяйстве (статья Н.А. Бестужева „Бурятское хозяйство“)» (1925), «Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири» (1925), «Областные слова Селенгинского округа в записи декабриста Н.А. Бестужева» (1926), «Неосуществленный замысел побега декабристов из Читы (Неопубликованная глава записок Завалишина)» (1928) и др. Исследователем был подготовлен также библиогр. указатель «Декабристы в Сибири: Библиогр. матер.» (1925). В 1931 А. совм. с И.М. Троицким издал «Воспоминания Бестужевых» (1931).

В 1929–1937 А. являлся членом редколлегии незаконченной «Сибирской советской энциклопедии», для к-рой написал множество статей-персоналий (о сибирских писателях, этнографах, фольклористах и декабристах), опубликованных в основном без подписи (Ф.И. Бальдауф, М.А. и Н.А. Бестужевы, В.Г. Богораз, С.И. Гуляев, В.И. Иохельсон, В.Г. Короленько, В.К. Кюхельбекер, С.В. Максимов и др.).

В 1930, в период разгрома сов. краеведения, А. покинул Иркутск и переехал в Ленинград, где стал во главе Кабинета изучения фольклора города и деревни ГИИИ. После реорганизации ГИИИ (1931) Кабинет был переведен в Ин-т по изучению народов СССР (апр. 1931 — февр. 1933); при слиянии Ин-та с Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамерой) был образован Ин-т антропологии и этнографии АН СССР, структурой к-рого стала Фольклорная секция (бывший Кабинет) (февр. 1933 — дек. 1938). С 1939 Фольклорная комиссия (бывшая Секция) стала одним из отделов Ин-та лит.-ры (позднее — ИРЛИ). В 1934 был создан новый периодический орган — «Советский фольклор: Сб. ст. и матер.» (1934–1941. Вып. 1–7), редактором к-рого, начиная с вып. 2/3, стал А. В 1934 ученому без защиты была присуждена степень д-ра филол. наук.

В 1930-е научные интересы А. складывались из нескольких составляющих. Важное место занимала фигура сказителя. В 1932 вышла в свет антология «Русская сказка: Избранные мастера» (1932), в к-рой представлены образцы сказок А.В. Чупрова (Печора), А.Д. Ломтева (Пермская губ.), Н.О. Винокуровой (Верхоленский округ), Ф.И. Аксаментова (Верхоленский округ) и др. выдающихся